

ЦЕНТР РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ
КЫРГЫЗСТАНА

This project is funded by
the European Union

Hedayah
countering violent extremism

РАДИКАЛИЗАЦИЯ И ДЕРАДИКАЛИЗАЦИЯ:

изучение опыта иностранных боевиков-террористов

ОПИСАНИЕ

Настоящее исследование основано на интервью 38 иностранных боевиков-террористов, содержащихся в тюрьмах Кыргызстана, а также с некоторыми членами их семей

Авторы: Афзал Ашраф, Индира Асланова.

Бишкек,
Кыргызстан

2021

Афзал Ашраф, Индира Асланова.
РАДИКАЛИЗАЦИЯ И ДЕРАДИКАЛИЗАЦИЯ: изучение опыта иностранных
боевиков-террористов – Бишкек: 2021. – 78 с.

ISBN 978-9967-

Исследовательская группа:

Афзал Ашраф, ведущий научный сотрудник, Ноттингемский университет;
Индира Асланова, научный руководитель, Центр религиозно-исследовательских исследований КРСУ;
Эльнура Казакбаева, антрополог и специалист по работе с данными, Центр религиозно-исследовательских исследований КРСУ;
Ольга Коржова, психолог-эксперт, Центр религиозно-исследовательских исследований КРСУ;
Бегимай Маратова, ассистент исследования, Центр религиозно-исследовательских исследований КРСУ.

Рецензенты:

Майкл Кларк, специалист в области оборонных исследований, приглашенный профессор Королевского колледжа Лондона, заместитель директора Института стратегических исследований университета Эксетера.

Джон Хорган, специалист по изучению психологии терроризма и насильственного экстремизма, профессор факультета психологии Университета штата Джорджия.

Выражение признательности:

Центр религиозно-исследовательских исследований выражает признательность руководству и сотрудникам Государственной службы исполнения наказания Кыргызской Республики за плодотворное сотрудничество в проведении исследования и поддержку при подготовке отчета.
Особая благодарность выражается Общественному совету ГСИН за участие в проведении исследования и анализа результатов, в лице:

Омуркановой Чолпон, председателя общественного совета ГСИН;
Кожояровой Гульсины, члена общественного совета ГСИН;
Лебузова Ибрагима, члена общественного совета ГСИН.

Также команда исследователей признательна заключенным, родственникам и экспертам, принявшим участие в исследовании и поделившимся своим опытом.
Благодарность выражается студентам-религиоведам КРСУ, помогавшим в транскрибировании интервью и администрировании исследования.

Особая благодарность выражается команде «STRIVE» Международного центра передового опыта по борьбе с насильственным экстремизмом «Хедайя» – Галену Инглану и Ирен Бельмонте – за постоянную профессиональную и моральную поддержку во время исследования.

Центр религиозно-исследовательских исследований также признателен рецензентам за уделенное время, ценную обратную связь, позволившую усовершенствовать отчет.

Данное исследование проведено Центром религиозно-исследовательских исследований КРСУ и Общественным советом при ГСИН совместно с Ноттингемским университетом (Великобритания) при поддержке Международного центра передового опыта по борьбе с насильственным экстремизмом «Хедайя».
Содержание данной публикации не обязательно отражает мнение Европейского союза или Международного центра передового опыта по борьбе с насильственным экстремизмом «Хедайя».

Отчет изначально готовился на английском языке, данная публикация представляет собой перевод, осуществленный С. Ахрамеевым.

ISBN ISBN 978-9967-

УДК
ББК

Отпечатано в полиграфическом салоне «КПД»
Проспект Чуй, 32а, Бишкек, Кыргызстан

СОДЕРЖАНИЕ ■

СОКРАЩЕНИЯ И ТЕРМИНЫ.....	5
РЕЗЮМЕ	6
ВВЕДЕНИЕ	9
ИСТОРИЯ ВОПРОСА.....	9
ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ	11
МЕТОДОЛОГИЯ.....	11
ОБЗОР.....	11
СБОР ДАННЫХ.....	12
РЕЗУЛЬТАТЫ	13
ОБЗОР	13
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ	13
СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ	15
ОБРАЗОВАНИЕ	15
РЕЛИГИОЗНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ	16
СЕМЬЯ И ЭКОНОМИКА	18
<i>Занятость и миграция</i>	18
МОТИВЫ УЧАСТИЯ.....	20
<i>Нарративы</i>	20
<i>Медиаканалы получения информации</i>	24
СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ, ИДЕОЛОГИ И ГОРЯЧИЕ ТОЧКИ.....	26
ВЛИЯНИЕ КОРРУПЦИИ И НАСИЛИЯ В СООБЩЕСТВАХ	27
УЧАСТИЕ В ОРГАНИЗАЦИЯХ И КОНКРЕТНЫХ ДЕЙСТВИЯХ	29
<i>Специфика организации</i>	29
<i>Способы вербовки</i>	29
<i>Практические действия</i>	31
<i>Влияние опыта участия в боевых действиях на психическое здоровье</i>	34
БУДУЩИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ.....	35
ДЕРАДИКАЛИЗАЦИЯ И РЕИНТЕГРАЦИЯ.....	36
<i>Контекст</i>	36
<i>Причины возвращения</i>	37
<i>Допросы и пытки</i>	38
<i>Условия содержания в тюрьме</i>	39
РЕАБИЛИТАЦИЯ И РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ ИБТ	41
<i>Дерадикализация и реинтеграция</i>	41
<i>Психологическая реабилитация</i>	43
<i>Вовлечение местных сообществ</i>	43
ВЫВОДЫ	45
<i>Исследование и методы</i>	45
<i>Движущие силы радикализации</i>	45
<i>Пути радикализации, дерадикализации и реинтеграции</i>	47

РЕКОМЕНДАЦИИ	50
ПРИЛОЖЕНИЕ А. ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ.....	53
КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ФЕНОМЕНА ИНОСТРАННЫХ БОЕВИКОВ-ТЕРРОРИСТОВ.....	53
МОТИВАЦИЯ И РАДИКАЛИЗАЦИЯ	54
МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ И ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВЫ.....	54
ЖИЗНЕННЫЙ ЦИКЛ ИБТ И «ПРИТЯГИВАЮЩИЕ И ПОДТАЛКИВАЮЩИЕ» ФАКТОРЫ	55
<i>Насильственный экстремизм в Центральной Азии</i>	64
СИТУАЦИЯ В КЫРГЫЗСТАНЕ	65
<i>Причины и мотивы, используемые при вербовке граждан Кыргызстана</i>	66
<i>Меры по предупреждению насильственного экстремизма</i>	68
<i>Проблемы возвращения ИБТ в Кыргызстан и их перемещения</i>	69
<i>Эффективность кампании по распространению альтернативных нарративов и контрнарративов, основанных на реальных историях ИБТ</i>	69
ПРИЛОЖЕНИЕ Б. МЕТОДОЛОГИЯ	71
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	76

СОКРАЩЕНИЯ И ТЕРМИНЫ ■

ГКДР – Государственная комиссия по делам религий;
 ГСИН – Государственная служба исполнения наказаний;
 ДаН – «Джебхат ан-Нусра»;
 ИБТ – иностранные боевики-террористы;
 ИГИЛ/ИГ – «Исламское государство»;
 КРСУ – Кыргызско-Российский Славянский университет;
 ОГО – организации гражданского общества;
 ПНЭ – противодействие насильственному экстремизму;
 СНГ – Содружество Независимых Государств;
 УК КР – Уголовный кодекс Кыргызской Республики;
 ХТаш – «Хайят Тахрир аш-Шам»;
 Хут – «Хизб ут-Тахрир»;
 ЦРИ – Центр религиоведческих исследований.

«Ахль аль-Сунна» – термин, обозначающий суннитский ислам;
акида – исламское вероучение, или «символ веры»;
джамаат – группа, сообщество, собрание или совет;
зикр – исламская духовная практика: поминание, ритуальная молитва, или литания;
кафир – неверный или неверующий (человек, впавший в куфр, или неверие);
Коран – священная книга в исламе;
кудура – врожденная способность;
мазхаб – научная школа, юридические школы в исламе;
манхадж – «ясный путь», метод для воплощения божественных велений;
медресе – учебное заведение, в частности, для получения исламского религиозного образования;
мурджиты, мурджииты – одна из самых ранних исламских сект, верившая в отсрочку (ирджа) приговора для тех, кто совершил тяжкий грех;
такфир – действие или практика объявления собрата-мусульманина вероотступником и, следовательно, больше не мусульманином;
таухид – монотеизм;
фикх – исламская юриспруденция;
хавариджи – «обособившиеся», или «те, кто покинул общину». Хавариджи, или хариджиты, объявляют несогласных с их позицией вероотступниками;
хадис – предание о словах и действиях пророка Мухаммеда;
халифат – религиозно-политическая организация, государство во главе с халифом («религиозным преемником»);
шариат – религиозное право;
ширк – идолопоклонство, многобожие и ассоциация слова «Бог» с другими божествами.

РЕЗЮМЕ ■

Данное исследование основано на интервью с 38 иностранными боевиками-террористами (ИБТ), которые, предположительно, отправились воевать в Сирию, в основном, в составе МТО «Джебхат ан-Нусра» (ДН), и, в меньшей степени, ИГИЛ и других террористических групп. Эти интервью были дополнены интервью с семьями ИБТ и проанализированы совместно с экспертами гражданского общества. Для обеспечения объективного сбора данных и совместного и прямолинейного подхода со стороны интервьюируемых были применены концептуальные рамки, включающие устоявшиеся теории социальных наук (см. Приложение Б. Методология). Исследование дало следующие результаты:

- практически нет свидетельств саморадикализации. Почти все ИБТ подверглись радикализации и последующей мобилизации в результате контактов с другими людьми, не последнюю роль в данном процессе сыграли социальные сети;
- семьи играли значительную роль как при радикализации, так и при дерадикализации;
- в некоторых регионах очаги радикализации возникли, скорее всего, под влиянием определенных идеологов или террористических лидеров, как, например, Сирожиддин Мухтаров (также известный как Абу Салох);
- в исследованных сообществах идея возрождения халифата распространялась еще до появления ИГИЛ. «Хизб ут-Тахрир» внушала своим последователям идеологию политического ислама задолго до того, как ИГИЛ придало этой идее материальную форму в виде образования своего «исламского» государства;
- идея вероотступничества, усиленная исламистами, стала основным элементом нарративов радикализации. Данный нарратив пережил сирийский конфликт и, при отсутствии противодействия, будет представлять потенциальную угрозу социальной сплоченности и свободе вероисповедания в Кыргызстане;
- в первые годы сирийского конфликта граждане свободно перемещались между Кыргызстаном и Сирией, тем самым создав феномен ИБТ внутри страны. Были организованы тайные сети для вербовки, радикализации, обучения и транспортировки ИБТ в Сирию, в основном, из стран, где граждане Кыргызстана находились в трудовой миграции;
- сообщества, созданные трудовыми мигрантами из Кыргызстана, сыграли значительную роль в радикализации, как прямо, так и косвенно:
  - подавляющее большинство ИБТ составляли мигранты, главным образом, проживающие в России и Турции и, в меньшей степени, в Казахстане. Одного человека завербовали, когда он работал в Южной Корее. По утверждению семьи одного из респондентов, он был из числа многих граждан Центральной Азии, кого завербовали, индоктринировали и направили в зону ближневосточного конфликта из Кореи;
  - часть ИБТ из числа трудовых мигрантов работали за рубежом вместе с членами своих семей;

- несмотря на то, что в некоторых случаях семья сыграла роль фонового фактора в решении определенных опрошенных стать ИБТ, семьи также повлияли на решение многих ИБТ вернуться в Кыргызстан. Некоторые семьи выразили готовность помочь в дерадикализации и реабилитации этих ИБТ. Однако в настоящее время данные семьи нуждаются в поддержке в виде предоставления информации, консультирования и ресурсов, которые помогли бы им справиться с возникающими проблемами;
- преобладающий нарратив, используемый вербовщиками и наглядно повторяемый в видеороликах в интернете, использует два подхода. Первый формирует чувство долга: все мусульмане - одна семья и должны помогать защищать друг друга. Второй создает чувство морального негодования против ответственных (шиитов, власти Асада) за убийства и изнасилования женщин и детей;
- жажда новых ощущений и приключений, особенно перспектива участия в настоящей войне, также вызывала интерес молодых людей при вербовке;
- согласие на участие в конфликте более продиктовано эмоциональными решениями, реже - рациональным выбором:
  - основным стимулом для вступления в ряды ИБТ было желание помочь мусульманам (42%). Меньшинство (8%) руководствовалось любопытством и/или жаждой приключений;
- средства массовой информации стимулировали первоначальный интерес новобранцев к сирийскому конфликту. Этим успешно воспользовались радикалы для вербовки молодых людей, давая альтернативную информацию по развитию событий на Ближнем Востоке:
  - критика или контрпропаганда идей экстремизма и ИГИЛ оказались недостаточно эффективны. Судя по всему, они наоборот повышали интерес к этой теме и к экстремистским группировкам, способствуя вербовке людей;
- имеются свидетельства, что люди становились ИБТ, стремясь убежать от явной несправедливости окружения:
  - большинство кыргызских узбеков утверждали, что живут в гармонии с этническими кыргызами. В то же время упоминали коррупцию в органах правопорядка и дискриминацию на государственном уровне в качестве основных причин недовольства жизнью в Кыргызстане. Возможно, это усилило поддержку идеи идеального государства (халифата) за рубежом;
- религиозная идентичность была важным движущим мотивом радикализации, поэтому вербовщики, в основном, искали потенциальных новобранцев в мечетях Кыргызстана и других стран;
- в своих нарративах вербовщики ссылались на священные писания, пытаясь подтвердить свою правоту:
  - при этом религию использовали как главный источник идентичности для формирования внутригрупповых и внешнегрупповых связей, оправдания насилия вопреки распространенным священным учениям;

ВВЕДЕНИЕ ■

- незнание религии новобранцами и манипулирование якобы культурной религиозностью помогали радикальным проповедникам отстаивать мифическую и политизированную версию религии;
  - культурная религиозность¹ также сыграла определенную роль: многие новобранцы и их семьи были фактически религиозными «неофитами», что делало их уязвимыми для идеологической обработки радикальных проповедников, которые отстаивали мифическую и политизированную версию религии;
  - есть веские причины полагать, что «господствующие» исламские институты не пользуются доверием и не могут обеспечить какой-либо эффективный религиозный контраргумент или даже альтернативную ролевую модель;
- большинство ИБТ, побывав в Сирии, столкнувшись с тяготами войны и всеобщей коррупцией, в итоге утратили иллюзии о своей «священной миссии». Этот и другие факторы, освещенные в исследовании, могут послужить эффективными контрнарративами, если не затягивать с их применением;
  - не исключено, что большинство ИБТ и некоторые члены их семей могут иметь недиагностированные психические расстройства, связанные с участием в военном конфликте. При отсутствии профессиональной поддержки есть риски дальнейшей радикализации и, в крайних случаях, криминализации;
  - коррупция в государственной, судебной и правоохранительной системах является основным фактором радикализации и препятствием на пути противодействия радикализации и терроризму. Это нельзя рассматривать только как нарушение передовой практики управления и прав человека. Существует возможная причинно-следственная связь между жестоким обращением, включая пытки, и дерадикализацией. Следовательно, это проблема государственной безопасности, которая подрывает инвестиции государства в борьбу с терроризмом и может стать в будущем мотиватором для внутренних антигосударственных террористических действий;
  - остаются нерешенными острые экономические, социальные и политические проблемы, включая коррупцию, из-за которых люди становятся уязвимыми к радикализации;
  - отсутствие признанной и эффективной политики дерадикализации ИБТ и членов их семей потенциально представляет собой риски безопасности как для Кыргызстана, так и для всего региона;
  - условия содержания в тюрьмах (совместное содержание, отсутствие реабилитационных программ и др.) не способствуют дерадикализации отбывающих срок ИБТ;
  - поддержка семьи и окружения является эффективным инструментом для предотвращения рецидива освобожденных ИБТ, однако на процесс могут повлиять враждебно настроенные сообщества.

¹ Является мировоззренческой, идеологической позицией, но не религиозностью в прямом смысле этого слова. Самоидентификация не предполагает, что данный человек разделяет соответствующие религиозные верования и следует религиозным практикам. См.: Филатов С.Б., Лункин Р.Н. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность. // Социологические исследования. 2005. No 4.

1. Выезд граждан Кыргызстана в Сирию и Ирак для участия в вооруженных конфликтах или боевых действиях – явление для страны относительно новое. Участие граждан в террористической деятельности на территории иностранных государств, а затем их возвращение на родину вызывают серьезную озабоченность у международного сообщества и самого Кыргызстана. Поводом для беспокойства служит тот факт, что ИБТ могут вновь стать участниками конфликтов за рубежом или на родине или же подтолкнуть к этому других. Кыргызстан уже столкнулся с несколькими фактами участия ИБТ в нападении на граждан КР и другие объекты.
2. Данное исследование проведено Центром религиоведческих исследований КРСУ и Общественным советом при ГСИН совместно с Ноттингемским университетом (Великобритания) при поддержке Международного центра передового опыта по борьбе с насильственным экстремизмом «Хедайя». Цель исследования – выявление широкого спектра личностных, социальных, экономических и идеологических факторов, приведших к вербовке, радикализации и мобилизации отдельных лиц, а также причины последующего возвращения в Кыргызстан. Таким образом, исследовательский вопрос состоял в том, чтобы определить, *почему и как люди стали террористами, а также каковы причины их возвращения на родину.*

История вопроса

3. По данным Государственного комитета национальной безопасности Кыргызской Республики, с 2012 по 2018 год 850 граждан КР (включая 140 женщин и 107 детей) уехали в Сирию, Ирак, Афганистан и другие страны для участия в вооруженных конфликтах в составе экстремистских группировок, таких как «Исламское государство» и «Джебхат ан-Нусра» (ныне «Хайят Тахрир аш-Шам») (Кадыров, 2020). Из них 180 человек были убиты и еще 100 отбывают срок в тюрьмах Кыргызской Республики. Основной отток граждан КР из этих стран пришелся на период с 2015 по 2016 год. По состоянию на май 2018 года, в рядах боевиков зарубежом оставалось около 200 граждан Кыргызстана. Повара, сиделки, члены семей и другие невоенные составляли примерно половину от общего числа тех, кто покинул страну. По меньшей мере треть этих людей погибли, как минимум 48 человек были взяты в плен или сдались (Human Rights Watch, 2018). На территории Кыргызстана было совершено три нападения, связанных с мобилизацией ИБТ.
4. В настоящем докладе ИБТ определяются как лица, выезжающие за границу для подготовки или совершения террористических актов, а также для получения или передачи знаний насильственного экстремистского толка в другой стране. Этот термин охватывает не только выезд за границу с целью участия в террористических актах, но и другие формы оказания содействия. Таким образом, понятие «ИБТ» имеет широкое значение и может подразумевать людей, которые никогда не были участниками или даже свидетелями боевых действий, а также лиц, стремившихся жить по «шариатской» системе, установленной террористическими организациями.

5. Некоторые исследователи скептически оценивают уровень опасности, которую может представлять возвращение ИБТ в страну своего проживания (Лемон, Миронова и Тоби, 2018 г.), но авторы исследования считают, что, несмотря на низкие показатели, потенциальные угрозы все же не следует игнорировать. Особую обеспокоенность государств Центральной Азии вызывает передислокация части боевиков ИГИЛ в Афганистан, что сдвигает угрозу террористической деятельности ближе к границам этих стран (Савицкий, 2018). ИГИЛ бросает вызов «Талибану» и правительству Афганистана, добиваясь контроля в различных регионах, что может привести к очередной вспышке конфликта и кровопролития (Кордесман, 2018). Нестабильность в Афганистане и усиление контроля со стороны «Талибана» и других экстремистских группировок по-прежнему представляют угрозу для безопасности государств Центральной Азии.
6. В июне 1990 года и июне 2010 года в Кыргызстане произошли общественно-политические волнения, сопровождавшиеся всплесками насилия. Оба события происходили на фоне политической нестабильности, когда новые лидеры пытались заменить старые элиты и центральное правительство не могло справиться с ситуацией (Комиссия по расследованию ошских событий на юге Кыргызстана, 2011) (Kyrgyzstan Inquiry Commission, 2011). Беспорядки 1990 года произошли в шести районах города Ош и Ошской области. Насчитывалось около 1200 жертв, в том числе более 300 убитых и 462 тяжелораненых. Были велики имущественные потери. События июня 2010 года тоже привели к значительным человеческим жертвам и разрушениям. Всего погибло около 470 человек. Почти 1900 человек обратились за медицинской помощью. Примерно 111 000 человек бежали в Узбекистан, а еще 300 000 были вынуждены переехать в другое место внутри страны. Был также нанесен значительный ущерб собственности, в основном, принадлежавшей этническим узбекам. Среди этнических кыргызов тоже не обошлось без жертв, а также поврежденного имущества (Комиссия по расследованию ошских событий на юге Кыргызстана, 2011) (Kyrgyzstan Inquiry Commission, 2011). Судя по всему, конфликты, связанные с этими событиями, не были эффективно разрешены, что привело к возможным неразрешенным недовольствам, что было использовано в вербовочной деятельности террористов.
7. Данное исследование ИБТ, прошедших полный цикл от вербовки до выхода из организации, должно содействовать пониманию возможных причин и мотивов радикализации граждан Кыргызстана. Результаты исследования направлены на совершенствование государственной политики по противодействию экстремистской и террористической деятельности, а также на внедрение научно обоснованных программ по дерадикализации, реабилитации и реинтеграции вернувшихся боевиков. Оно также призвано сформировать у международного сообщества более глубокое понимание проблемы сетей, связанных с глобальным терроризмом, и дополнить научную литературу материалами о терроризме, особенно о развитии экстремизма, вербовке, радикализации и дерадикализации. Углубленное понимание причин и мотивов может быть достигнуто путем непосредственной оценки данного опыта со стороны ИБТ и их окружения, что потребовало проведения интервью с ИБТ, выдержки из которых представлены в данном отчете. По определению, данный опыт субъективен, полон противоречий и может быть недостоверным, вследствие чего не подра-

зумевают одобрения со стороны исследовательской группы. Мнение ИБТ было проанализировано и использовано для предоставления возможных объяснений или рекомендаций.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ ■

8. В целом, существует много прогрессивных исследований на тему радикализации, в частности, рассматривающих психологические факторы, но, в основном, трактуемых в контексте Запада (Европы и Северной Америки). Доступно ограниченное количество исследований о конкретной методологии и аналитике опроса террористов и их семей в контексте Центральной Азии. Вследствие чего существует необходимость в адаптации передовых практических методов. Это исследование позволило внести небольшой, но значимый вклад в устранение некоторых пробелов в методологии и получение данных в региональном контексте. В обзоре литературы рассматриваются соответствующие понятия, в том числе ИБТ, экстремизм и радикализация. Они трактуются как в общем смысле, так и, по возможности, в конкретных контекстах Центральной Азии и Кыргызстана. Обзор литературы приведен в Приложении А.

МЕТОДОЛОГИЯ ■

Обзор

9. Исследование основано на интервью с заключенными ИБТ, которые согласились поделиться своей историей. По возможности, проводился опрос членов семей заключенных (о прошлом и окружении боевика). Результаты обсуждались с группой из восьми экспертов и специалистов-практиков из мультидисциплинарных областей для разработки практических рекомендаций относительно дальнейших возможностей более эффективной реинтеграции ИБТ в общество. Этот подход позволил выделить три кластера сведений для дальнейшего анализа: заключенные, семьи и эксперты. Подробная информация о методологии приведена в Приложении А.
10. Для обеспечения объективного сбора данных и установления доверительных отношений с респондентом были применены концептуальные рамки, включающие устоявшиеся теории социальных наук. В начале исследовательской работы все члены группы были обучены концепциям и методам, необходимым для проведения интервью и последующего анализа, в рамках этических и других необходимых ограничений.
11. Кодирование данных проводилось индуктивно, на базе вопросов, составленных на основе обоснованной теории (Grounded theory). Вопросы дорабатывались и задавались в соответствии с принципами «соблюдения межличностных методов, основанных на взаимопонимании (rapport)» (ORBIT), чтобы максимально повысить готовность заключенных к сотрудничеству и гарантировать надежность информации. Данные теории обеспечили фун-

дамент для составления вопросов и методов интервьюирования. Адаптированная методология ORBIT, в сочетании с опытом исследовательской команды, позволила привлечь заключенных к сотрудничеству и получить более качественные данные. Отчасти готовность к сотрудничеству со стороны респондентов могла быть вызвана тем, что заключенные надеялись, что участие в исследовании может оказать положительное влияние на их дело. Несмотря на это, при получении согласия на участие в исследовании заключенные были информированы, что результаты не будут иметь непосредственного отношения к уголовному делу респондентов. Провести интервью с членами семей было сложнее из-за нежелания заключенных давать контактные данные и отказа некоторых родственников от интервью из опасений, что все рассказанное может быть использовано впоследствии против них. Точность и достоверность результатов могли быть выше при проведении повторных интервью с заключенными после анализа данных для перекрестного подтверждения фактов, высказанных в ходе предыдущих интервью. Трудности с проведением опроса усугублялись пандемией COVID-19.

12. Полученные данные были дополнены рассмотрением конкретных кейсов и перепроверены фокус-группами с участием экспертов и практиков из мультидисциплинарных областей для разработки практических рекомендаций по возможностям реинтеграции ИБТ в общество. Опрошенные эксперты, кроме специалистов по ПНЭ, включали организации, работающие с уязвимыми слоями населения, местными сообществами и общественными комитетами, для понимания местного восприятия и отношения к связанным с ИБТ проблемам и способам их решения.

Сбор данных

13. Проект исследования предусматривал проведение 20 интервью с ИБТ и 40 – с членами их семей. Однако в ходе сбора данных стало очевидно, что получить 40 интервью у членов семей заключенных не представляется возможным, поэтому было принято решение увеличить количество интервью с ИБТ. Это позволило провести более детальный анализ состояния ИБТ и лучше понять цикл радикализации. Кроме того, многие интервью с членами семей были малоинформативны для исследования. Сбор данных проводился с сентября 2019 года по сентябрь 2020 года. Проведено 38 интервью с ИБТ, 20 – с родственниками заключенных или лиц, находящихся в зоне конфликта на Ближнем Востоке, и восемь интервью с экспертами из различных областей. Данная выборка недостаточна для количественных аналитических методов, поэтому исследование было построено на качественном подходе. Тем не менее, чтобы дать некоторое представление о степени различий в происхождении, опыте, взглядах и т.д. ИБТ, а также для облегчения анализа и иллюстрации результатов иногда используются цифры или проценты. Цитаты из интервью и других тематических исследований используются для иллюстрации основных выводов в этом отчете.

РЕЗУЛЬТАТЫ ■

Обзор

14. Из 38 опрошенных заключенных 27 подтвердили факт своего пребывания в Сирии. Двое из них утверждали, что попали туда «по ошибке»: один находился всего два дня, другой – был похищен на территории Турции для работы в качестве повара в Сирии. Девять заключенных заявили, что не были в Сирии и что правоохранительные органы неправильно квалифицировали действия и предъявили несоответствующее обвинение. Двое имели намерение направиться в зону конфликта, но по разным причинам не пересекли границу с Сирией. Проверить подлинность этих версий невозможно, так как они, по большей части, противоречат материалам дел. Наконец, один заключенный отказался подтвердить или опровергнуть свое пребывание в Сирии, но признался, что вербовал сторонников. Исходя из утверждений респондентов, менее 80% опрошенных заключенных являлись ИБТ в Сирии.

Психологические проблемы

15. Среди психологических факторов, способствующих радикализации, часто указывают на серьезные психические нарушения. Это, как и указание на материальную мотивацию, один из самых простых способов объяснить процессы радикализации в сторону насилия. Однако результаты исследования показывают, что до выезда в Сирию у подавляющего большинства респондентов психическое здоровье варьировалось в зоне нормы. Важно сразу оговорить, что в рамках исследования сложно было дать однозначную оценку психическому здоровью респондентов. Тем не менее, с умеренной долей вероятности, можно утверждать, что из 38 респондентов только один имел психическое расстройство до поездки в Сирию. Эти данные согласуются с мнением ряда исследователей (Silke, 2003; Horgan, 2003; 2008) о том, что люди радикализуются и принимают решения в пользу насильственного экстремизма и терроризма не под влиянием психических расстройств. Гораздо более значимым является воспитание в дисфункциональной семье, уровень психической зрелости личности и наличие травмирующего опыта, связанного с насилием.

«Нет, отец не бил маму. Чуть-чуть бил, не настолько. Но не сильно, не насиловал. Ругал за ошибки». ИБТ.

16. У большинства заключенных было нормальное детство, и друзья были частью их жизни. После отъезда на работу за границу или прибытия в Сирию некоторые из них, по-видимому, прекратили общение со всеми друзьями, кроме своих попутчиков. Большинство респондентов заявили, что после заключения в тюрьму

«Мне кажется, они [друзья] боятся СНБ и поэтому не связываются со мной. Даже мои родственники избегают контактов, что говорить о друзьях». ИБТ.

потеряли связь с друзьями. Во время интервью они, как правило, избегали разговоров о друзьях, утверждая, что не были так близки. Скорее всего, это было вызвано опасением как самих заключенных, так и их друзей, что, поддерживая связь, они могут привлечь внимание правоохранительных органов. Эксперты предполагают, что отбывающие срок ИБТ были одиночки. Вероятно, по этой причине им будет сложнее полностью отказаться от радикальных идей и избежать рецидива.

«Отсутствие близких наделяет свободой выбора: вы сами решаете, уйти или остаться. А крепкие семейные узы, привязанность к чему-либо, обязательства, скажем, перед родителями, родственниками или друзьями являются удерживающим фактором» (психолог, эксперт по делам молодежи).

17. Несмотря на то, что в некоторых случаях члены семей были готовы поддержать ИБТ после освобождения из тюрьмы, нет гарантий, что им удастся возобновить общение со старыми друзьями или обрести новых. Важность дружеских отношений вне семьи для реинтеграции в общество должна учитываться в любой программе по дерадикализации ИБТ. Исследования, проведенные в Кыргызстане среди молодежи, показали, что одиночество является фактором уязвимости к радикализации (Насритдинов, Урманбетова, Мурзахалилов, Мырзабаев, 2019) (Nasritdinov, Urmanbetova, Murzakhalilov & Myrzabaev, 2019). Экспертные мнения также подтверждают выводы о роли семейного контекста и наличие\отсутствие насилия в процессе радикализации. И указывают на роль позитивного семейного воспитания, теплоты в отношениях, пространства для проявления чувств, реализации творческого потенциала как факторов устойчивости к радикализации.

18. В рассказах некоторых заключенных фигурируют детские воспоминания о пережитом или увиденном бытовом насилии, чаще и о том, и о другом. По мнению эксперта-психолога, этот потенциально болезненный опыт схож с ситуацией, когда человек сам становится жертвой насилия. У отдельных респондентов не было явных признаков пережитой травмы, их семьи можно рассматривать как полноценные и соответствующие местным социальным нормам. Поэтому последствия пережитой скрытой травмы, скорее всего, обостряют чувствительность к применению насилия, но не спровоцируют саму радикализацию. В отдельных историях респондентов (в 13 кейсах) прослеживается еще один психологический фактор, связанный не столько с радикализацией в сторону насилия, сколько со снижением устойчивости к вовлечению в радикальные организации. Это уровень личностной незрелости, обусловленный возрастом, а иногда и индивидуальными личностными особенностями:

- отсутствие сепарации от родителей, ориентация в принятии жизненно важных решений на других людей;

- отсутствие внутренних опор, которое проявляется в отсутствии навыков в установлении границ с другими людьми, склонность отказываться от своего мнения в конфликтных ситуациях, поиск внешних идеальных ориентиров – в авторитетных лицах или идеальной модели государства\образа жизни (халифате).

Социальные проблемы

19. Возраст опрошенных заключенных составлял от 19 до 37 лет. Средний возраст респондентов на момент прибытия в Сирию – 23,5 года. Большинство из них (75%) находились в зоне конфликта в возрасте до 25 лет. Их радикализация происходила в возрасте от 14 до 25 лет. Одному из опрошенных исполнилось 14 лет, когда он попал под влияние мужа своей сестры, работая с ним на поле. Мужчина рассказал ему о Сирии: что там страдают мусульмане, их убивают и им нужна помощь. Он показывал подростку различные видеоролики о войне. Затем он отправился со своей семьей в Сирию и убедил юношу присоединиться к ним. Неизвестная женщина, присланная шурином, помогла изготовить поддельный паспорт, но подростка задержали при попытке выезда.

20. Люди в возрасте от 14 до 25 лет наиболее уязвимы к радикальным взглядам, поскольку именно в этом возрасте наблюдается сильная идеализация стремлений и ценностей. Подростки пытаются найти себя, определить свою цель в жизни и часто сталкиваются со сложными проблемами современного мира. Мнения экспертов подтвердили вывод о том, что возраст является фактором радикализации. При этом каждый из экспертов указал на различные нюансы, связанные с наличием образования, социальными лифтами и общей возрастной спецификой: необремененность обязательствами, ощущение свободы, принятие рискованных решений, категоричность суждений, склонность к идеализации и поляризации мнений, отсутствие навыков критического мышления. Также эксперты отметили, что молодые люди склонны к конформистскому поведению, то есть не имеют собственного мнения и, следовательно, более подвержены внешнему влиянию.

«Легко поддаваться влиянию в 13 или 14 лет. Перед вами встают вопросы: работать или учиться дальше, куда устроиться, чем заниматься после школы. А YouTube... теперь у всех есть телефоны, и если кому-то интересно, они могут выложить видео в общую группу. Тогда все его увидят. Мы многого не знали, не понимали, не думали, чем все обернется». ИБТ.

Образование

21. Большинство опрошенных имеют среднее образование (11 классов – 32 %, 9 классов – 36 %), 16 % перестали посещать школу после 6 или 7 класса. Один респондент получил высшее образование, еще три начали, но не завершили обучение в университете. В целом уровень образования был низким или неполным, что, в основном, связано с финансовыми проблемами и необходимостью работать, чтобы помогать родителям. Несколько респондентов отметили, что не видят смысла в продолжении своего образования, поскольку это им неинтересно. Треть опрошенных сообщили, что до 7-го класса они были ударниками или отличниками, а затем у них появились другие интересы. По словам большинства респондентов, если

бы они могли изменить прошлое, то, в первую очередь, получили бы образование и профессию.

22. По мнению опрошенных экспертов, низкий уровень образования сильно сказывается на уязвимости молодежи к радикальным идеям, поскольку это непосредственно связано с развитием навыков критического мышления. При наличии доступа к интернету и социальным сетям люди легко поддаются манипуляциям и не могут критически анализировать получаемую информацию. Это также связано с низким качеством предоставления среднего образования, которое, по мнению экспертов, нуждается в серьезных реформах, так как уже не отвечает современным стандартам. Также отмечалось, что дети трудовых мигрантов, оставленные на попечении родственников и лишённые должного родительского контроля, более уязвимы к манипуляциям.

«Чем выше уровень бедности, тем ниже уровень образования. Малообразованного человека гораздо проще ввести в заблуждение. В этом нет ничего необычного. Если это ребенок мигрантов, он мог не получить нормального воспитания, родительской любви и поддержки, мог не знать своих родителей. Это порождает неуверенность в себе. Если в этот момент кто-то предлагает поддержку, дает определенное видение жизни, то молодой человек легко поддается влиянию» (эксперт, медиаспециалист).

Несмотря на то, что система образования нуждается в реформах и внедрении компонентов критического мышления для повышения устойчивости к радикализации, было бы опрометчиво делать категоричные выводы. Во-первых, критическое мышление – плохо определенная концепция, и доказательства его эффективности в противодействии радикализации спорны. Во-вторых, прямой связи между уровнем образования и радикализацией не прослеживается. Джелиль, Бхатия, Брокмейер, До и Жубер (2018) (Jelil, Bhatia, Brockmeyer, Do, and Joubert, 2018) предположили, что новобранцы ИГИЛ более образованны, по сравнению со своими среднестатистическими соотечественниками. Их данные основывались на формах, которые заполняли сами новобранцы, и, вероятно, были преувеличены. Другие исследования (Вергани, Икбал, Ильбахар и Бартон, 2018) (Vergani, Iqbal, Ilbahar, & Barton, 2018) приходят к более конкретному выводу, что низкий уровень образования может привести к радикализации. Кроме того, существует мнение, что низкий уровень светского образования коррелирует с более низким уровнем религиозной грамотности. Это, безусловно, согласуется с полученными результатами данного исследования.

Религиозное образование

23. По мнению опрошенных экспертов, вследствие низкого качества среднего образования растет популярность альтернативного религиозного обучения. Объединение данных факторов ведет к негативному эффекту: при неразвитых навыках критического мышления и отсутствии общего образования, мо-

«Не думаю, что религиозное образование сможет решить проблему. Предполагаю, что это создаст среду, в которой таких проблем станет только больше». Эксперт-бизнесмен

лодежи сложнее адекватно оценивать полученные религиозные знания. В большинстве случаев опрошенные эксперты скептически отнеслись к роли религиозного образования в деле противодействия насильственному экстремизму. У экспертов сложилось впечатление, что учителя в религиозных школах не имеют надлежащего образования, пользуются непроверенными источниками и различными интерпретациями, обладают поверхностным пониманием священных текстов. К тому же они были обеспокоены тем, что религиозное образование в стране не имеет единого стандарта: не вполне ясно, кто чему обучает, что ставит под сомнение надежность религиозного образования и делает его потенциальным источником возникновения политически опасного влияния. Кроме того, эксперты отметили, что Государственная комиссия по делам религий неравноправно относится к различным конфессиям, отдавая предпочтение определенным формам ислама и, тем самым, создавая условия для дискриминации и нетерпимости.

24. Формальное религиозное образование было только у одного респондента, который в 2014 году учился в медресе аль-Бухари в Узбекистане и проходил теологические курсы в двух медресе Турции (Садик Самарканди в Стамбуле). Отвечая на этот вопрос, респонденты путали знание культово-обрядовой части с углубленным теологическим образованием. Например, треть респондентов упомянули, что получили религиозное образование, но имели в виду обучение молитве (намазу), запоминание аятов Корана или изучение арабского языка. Почти все отметили, что учились молитвам и чтению Корана у близких родственников или во время пятничной молитвы, при этом редко посещали специальные курсы по изучению Корана. Таким образом, лишь немногие ИБТ имели опыт систематического изучения религии и понимание теологических концепций.

25. Более того, около 35% ИБТ сообщили, что до вынесения приговора они были не особо религиозны. Под религиозными обрядами они понимали чтение молитв, посещение мечети и празднование религиозных дат. Эти обряды являются частью образа жизни в их сообществах и не воспринимаются как значимая связь с Богом. На самом деле, мало кто упоминал о служении Богу. В большинстве случаев о религии говорили в контексте обрядов и политических прав (защита от изнасилования и убийств). В то же время, семьи заключенных также во многом воспринимали религиозные практики (намаз, посещение мечети, соблюдение поста и т.д.) скорее как часть своей культурной традиции. Некоторые опрошенные ИБТ утверждали, что пересмотрели свое отношение к религии только после тюремного заключения, другие же говорили, что заинтересовались религиозными темами незадолго до поездки на Ближний Восток. В этих обстоятельствах реакция семьи не всегда была одобрительной.

«Если я говорю отцу о религии, он отвечает, что не хочет меня слушать. И не слушает. Моя мать выслушивает меня, но говорит, что следует избегать излишнего фанатизма – нужно сохранять умеренность». ИБТ.

«Мои родители не были религиозными. На данный момент только моя сестра начала читать намаз». ИБТ.

Семья и экономика

26. Ответы заключенных на вопросы свидетельствовали о важной роли семьи и матери в жизни. На вопрос: «Кто является авторитетной фигурой в вашей жизни?» – большинство опрошенных назвали своих матерей, которые обычно советовали «поступать правильно», «не болтаться по улицам», «быть честным и не воровать». После освобождения почти все заключенные планируют, в первую очередь, стать опорой для своих матерей и сделать их счастливыми. В то же время анализ показывает, что отсутствие отца негативно сказалось на личностном развитии людей, осужденных за участие в террористической деятельности. Например, 11 респондентов росли без отца (из-за развода родителей или смерти). Даже в семьях, где формально присутствовал отец, его роль в воспитании была минимальной или же он показывал плохой пример. Только один человек положительно или нейтрально отзывался о своем отце. Неадекватное поведение отцов проявлялось, в основном, в чрезмерном пьянстве и бытовом насилии. Судя по количеству разводов и некоторым комментариям, женщины действительно обладали определенной независимостью.
27. В целом, молодые люди, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации, зачастую обращаются к родителям и больше всего полагаются на их поддержку. Многие ИБТ, обделенные вниманием и пониманием со стороны родителей, были вынуждены решать проблемы в одиночку либо попадали под влияние идеологов или своих знакомых. Родители по большей части были заняты зарабатыванием денег: почти все они были трудовыми мигрантами. Данное обстоятельство нашло отражение и в мнении некоторых экспертов: *«На мой взгляд, люди, которые уехали [в Сирию], не чувствовали сильной привязанности к своей семье. Потому что родители были заняты мыслями о том, как прокормить своих детей, и не уделяли им достаточно внимания»* (молодежный активист).

«Даже в самых сложных ситуациях я не пил, потому что мой отец употреблял много алкоголя, и я это видел. Обычно он не поднимал руку на мою мать, но однажды он избил ее так сильно, что она впала в кому. Мой отец был боксером». ИБТ.

«Мой сын хотел стать милиционером. Его отец тоже работал в ГИБДД. Каждый день там были вечеринки и пьянки, поэтому я с ним развелась». Мать ИБТ.

Занятость и миграция

28. Прямых доказательств влияния экономических факторов на радикализацию обнаружено не было. Экономическое положение семей заключенных (бедность, отсутствие возможности продолжить образование, занятия спортом, не требующим финансовых ресурсов, например, борьбой) стало косвенной причиной вынужденного трудоустройства

«После окончания школы я работал на стройке». ИБТ.

«Я работал на стройке, занимался торговлей, бизнесом... в России и Турции». ИБТ.

большинства респондентов в раннем возрасте. В основном, все респонденты занимались низкооплачиваемыми и неинтеллектуальными видами деятельности, например, были рабочими на стройке, поварами, разнорабочими и т. д., в Кыргызстане или за рубежом.

29. Такое экономическое положение вынудило большинство заключенных искать работу за границей. Только четверо из опрошенных направились в Сирию непосредственно из Кыргызстана. Большинство респондентов работали в России и Турции, один – в Корее. Согласно результатам опроса, миграция создавала благоприятные условия для вербовки и радикализации, что соответствует выводам предыдущих исследований (Эльшими, Пантуччи, Лайн и Салман, 2018) (Elshimi, Pantucci, Lain, & Salman, 2018). С отдельными лицами связывались либо знакомые, либо вербовщики в конкретной стране, которые убеждали их отправиться в Сирию и организовывали эту поездку. Эти данные совпадают с результатами других исследований (Паулюссен, Нейман и Лисмонт, 2017) (Paulussen, Nijman, & Lismont, 2017), доказывающими, что к террористической деятельности за рубежом людей часто подталкивают проблемы на родине.

«Я был в Турции всего 5–6 месяцев. Если вы остаетесь там надолго, то становитесь террористом». ИБТ.

30. Трудовые мигранты, как правило, живут сплоченно, поэтому такие идеи быстро распространяются среди них. Многие из этих молодых людей также были детьми мигрантов. Нехватка внимания и воспитания, социальная запущенность, а также низкий уровень образования сделали их более уязвимыми. Условия жизни трудовых мигрантов, как правило, оставляют желать лучшего. Отсутствие социальной защиты, высокий уровень нетерпимости к мигрантам и другие унижающие достоинство факторы подогревают их стремление уехать в другую страну в поисках лучшей жизни и справедливости, в том числе посредством участия в боевых действиях. Эксперты подтвердили эти наблюдения: работая мигрантами, молодые люди сталкиваются с большой несправедливостью, связанной с условиями жизни и труда, а также испытывают давление со стороны родителей, которые вынуждают их присылать деньги. Они ощущают себя глубоко несчастными и неудовлетворенными, их не покидает чувство опустошенности. Вербовщики заполняют эту пустоту, предлагая альтернативный смысл жизни, возможность обрести счастье через служение своей религии и помощь своему народу. Это может восстановить их самооценку.

«Я работал в России и познакомился в «Одноклассниках» с человеком из Узбекистана. Он прислал мне видео, где были показаны страдания детей. Затем он помог мне отправиться в Сирию через Турцию, чтобы вступить в ряды «Джебхат ан-Нусры». ИБТ.

Мотивы участия

Нарративы

31. Нарративы, создающие эмоциональные триггеры для участия в насилии, были одним из наиболее распространенных мотивов, которые побудили респондентов отправиться воевать в Сирию. Интерес к деятельности экстремистских и террористических организаций был связан с просмотром видеороликов, содержащих сцены насилия в отношении детей и женщин. Во многих случаях внимание ИБТ к этим роликам привлекли друзья или родственники. Использование определенных факторов уязвимости в эмоциональных призывах описано многими исследователями. К примеру, Борум (2011b) (Borum, 2011b) определяет недовольство, чувство несправедливости, осуждение и потерю уважения к виновным как общие компоненты радикализации, разжигающие ненависть к аутгруппе. Эти компоненты хорошо заметны в формулировке расширяемых нарративов и в ответной реакции ИБТ.

«Я видел видеоролик, где убивали маленьких детей, разбивая их головы о бетон, насиловали женщин. У меня есть младшая сестра. Будь она среди этих женщин, что бы я мог сделать без посторонней помощи? Я был бы не в силах ее спасти». ИБТ.

32. Тема сочувствия к страданиям беспомощных женщин и детей является наиболее распространенным нарративом в видеороликах, которые, по словам заключенных, побудили их к участию в боевых действиях. Они вызывают всеобщее чувство негодования, усиливающееся за счет нескольких особых факторов. Во-первых, эти нарративы идентифицируют жертв именно как мусульман, резонируя с темой, которую можно проследить до времен добровольцев из Саудовской Аравии, воевавших в Афганистане в 1980-х годах, а позже – в Боснии и Чечне в 1990-х годах. Почти в каждом случае исследователи находили больше сочувствия к жертвам, чем ненависти к угнетателям (Хеггхаммер, 2010) (Hegghammer, 2010). Несмотря на разницу в балансе сочувствия и ненависти, нарративы четко разделяют ингруппы и аутгруппы, способствуя формированию чувства любви и ненависти, соответственно, через создание эмоционально заряженной кризисной ситуации.

33. В современных условиях в основе ингрупп и аутгрупп вместо разделения на мусульман и немусульман, как указано в примерах выше, лежит противопоставление суннитов и шиитов. Это особенно подчеркивается избирательным использованием религиозного текста идеологами и именованием режима Асада «шиитским» с последующим возложением на шиитов

«Если бы вы увидели смерть ребенка, страдания женщины, которую избивают или убивают, как бы вы отреагировали? Даже при виде того, как кто-то бьет ребенка на улице, вам будет неприятно». ИБТ.

ответственности за предполагаемые зверства против беспомощных суннитских женщин и детей, а иногда и безоружных мужчин во время чтения молитвы. Ни опрошенные ИБТ, ни эксперты не определили этот сдвиг нарратива от межрелигиозного конфликта к сектантскому, предполагая, что конфликт в Сирии успешно и плавно трансформировал понятие исламистских экстремистов «ингруппа/аутгруппа» из войны против Запада в войну внутри самого ислама. Одним из моментов, на который обратили внимание эксперты, была идея «счастья в ином мире, но не в этом», которая также играет определенную роль во время вербовки. Такой посыл вызывает эмоциональный подъем, чувство значимости, и человек с готовностью спешит на помощь. Хотя мало кто из заключенных упоминал жизнь после смерти или блага небесные как фактор, побудивший присоединиться к борьбе, эта идея могла быть частью некоторых нарративов, подсознательно повлиявших на их выбор. Большинство ИБТ не обладали религиозной грамотностью, поэтому вербовщики и идеологи прибегали к расчетливому использованию ссылок на Священные Писания в своих нарративах и заявлениях для придания им достоверности и авторитетности.

34. Последовательность и прямота призывов против режима Асада наводят на мысль, что эти нарративы могут быть частью спланированной политической стратегии по радикализации отдельных лиц и вовлечению их в борьбу с целью смены режима. При этом формирование ингрупп и аутгрупп на основе религиозной идентичности стало инструментом для достижения этой цели. Такое предположение коррелирует с утверждениями некоторых ИБТ и членов их семей о том, что конфликт в Сирии был организован геополитическими игроками в интересах глобальных и региональных держав, а также нефтяных корпораций. К тому же это могло бы объяснить «неспособность» некоторых государств обнаружить и ликвидировать точки вербовки и подготовки боевиков, которые, предположительно, существовали на их территории. В связи с чем встает вопрос, были ли нарративы, направленные на радикализацию ИБТ, частью дезинформационной кампании, финансируемой государством?

35. Большинство опрошенных ИБТ так или иначе сталкивались с насилием в прошлом. Желание «спасти других», которое они обозначили как сознательную мотивацию для поездки в Сирию, могло оказаться неосознанным стремлением «спасти себя и своих близких в прошлом, когда они были свидетелями или жертвами бытового или социального насилия», –

«Да, мусульманам нужна помощь. Он [вербовщик] приводил различные аяты, хадисы и аргументы. Мы должны им помочь, потому что там насилуют женщин... Наши сестры и дети гибнут от рук людей Асада». ИБТ.

«Все мусульмане – одна большая семья. Мы должны помогать друг другу. Эти шииты творят беспредел, убивают и насилуют. Я хотел помочь». ИБТ.

«Помню, как в детстве моя семья голодала из-за беспорядков в 2010 году. Я бросил школу, и мы сразу же уехали в Казахстан». «... Я видел на YouTube, как людей расстреливали во время намаза... Я присоединился «Джебхат ан-Нусра», потому что хотел помочь мусульманам». ИБТ.

последствием скрытой травмы, связанной с таким насилием (Левин и Фредерик, 1997) (Levine & Frederick, 1997). Возможно, эта мотивация была для них способом преодолеть незабываемый болезненный опыт, возможностью оказаться в аналогичной ситуации, где они снова и снова будут переживать травмирующие события, надеясь все исправить. Эта гипотеза лишь частично подтверждается некоторыми суждениями и требует глубокого исследования.

36. Упомянутые выше мотивационные факторы чаще всего относятся к искателям справедливости, как отмечают Паулуссен и др. (2017) (Paulussen et al., 2017) в типологии различных экстремистов-искателей. Это, по-видимому, объясняет поведение большинства ИБТ, которые считают справедливость или ее отсутствие значимым фактором для принятия решения отправиться в Сирию. Используемые нарративы также формируют религиозную идентичность, но из-за сжатости большинства интервью невозможно определить, в какой степени они удовлетворяют потребности конкретного искателя и раскрывают ранее сформированную идентичность в человеке. Однако в некоторых случаях содержатся четкие указания на то, что люди стремятся обрести чувство значимости. Они описывают свои мотивы как желание спасти других и стать героями в их глазах. По-видимому, в прошлом у них были проблемы с самооценкой и чувством значимости, что сделало их уязвимыми к нарративам о героических подвигах, которые они могли бы совершить в составе террористических группировок. Некоторых осужденных ИБТ можно описать как искателей ощущений. Это люди, которых привлекало рискованное поведение, такое как драки, мечты об экстремальных профессиях, постоянный поиск опасных ситуаций и возможностей продемонстрировать свою мужественность (вольная борьба, бокс, боевые искусства). Из этой категории искателей можно выделить небольшую группу людей, которые утверждают, что решили отправиться в Сирию из любопытства. Вполне возможно, что эти люди не склонны к риску, а попросту не осознают его.

“

«Уезжая, я думал о том, что, может быть, тоже стану героем, буду делать то, что делают другие, – от этих мыслей страх исчезает сам по себе». ИБТ.

«Мне была интересна война. Я думал, что все будет, как в кино. Но там вы видите, как постоянно падают самолеты, снаряды. Это страшно». ИБТ.

37. По мнению эксперта, одним из факторов, повлиявших на эффективность послания «помощь мусульманам», является существующая система воспитания и культурная среда, способствующие формированию мужественного образа человека, который должен быть «скалой и защитой». Ребенок, выросший в среде, где пропагандировалась идея «мусульмане должны помогать мусульманам», обязательно поддастся такому призыву. Эксперты также высказали мнение, что

“

«До обращения в религию я был хулиганом, ходил на дискотеки, пил и курил. Я еще курю – уже более 10 лет. Занимался спортом, карате, боксом... И смотрел видеоролики о подготовке боевиков в Сирии. Я просто хотел увидеть, что происходит в Сирии, и вернуться». ИБТ.

нереализованная потребность во внимании окружающих, признании и самоуважении может побудить человека встать на путь ИБТ. Эксперт-психолог по делам молодежи сказал:

«Каждый из нас хочет самореализоваться и добиться признания, но для этого необходимо проявить инициативу. Поэтому участие в боевых действиях, скорее всего, воспринимается как возможность стать частью... значимого сообщества мусульман, которые борются за восстановление мира, создание халифата или что-то в этом роде. Скорее всего, речь идет о стремлении к самоутверждению».

38. Другой эксперт предположил, что эти молодые люди стремились оставить свой след в истории. Имея крайне ограниченные возможности найти хорошую работу или подняться по карьерной лестнице, они пользуются шансом, предложенным экстремистскими группировками. В некоторых историях (пяти из 38) прозвучал неочевидный мотив для поездки в Сирию – неудовлетворенная жажда приключений (новые впечатления, события, путешествия, другая обстановка, смена деятельности и т.д.). Некоторым из них пришлось сделать выбор в силу определенных обстоятельств, либо поддавшись убеждениям, либо последовав в Сирию за своими товарищами. Другие планировали поездку как туристическое развлечение, не собираясь участвовать в боевых действиях, или же хотели осуществить свои религиозные устремления (создание халифата) (Армстронг, 2014) (Armstrong, 2014).² Эти мотивы подтверждаются их кратковременным пребыванием в стране (от нескольких дней до 2–3 месяцев) и желанием уехать сразу после прибытия в лагерь. Некоторые из них хранили фотографии с поездки в своих телефонах, не понимая последствий этого решения. Позже эти фотографии были представлены в суде в качестве доказательства их вины. Закон не делает исключений для таких относительно безобидных мотивов поездки в Сирию, и, возможно, это правильно. Однако мотив, побудивший человека отправиться в зону конфликта, и его впечатления потенциально важны для оценки степени возможной радикализации. Существует разница между человеком, приверженным конфликту, и человеком, просто интересующимся им. Типы вмешательств, необходимых для реинтеграции обоих типов людей в общество, также от-

“

«Я люблю путешествовать. Я побывал во многих городах России и соседних стран. Я работал поваром в Чечне, но кафе сгорело, и мы с другом уехали в Турцию. Сначала я думал, что буду там работать, а потом мне сказали, что я пойду на джихад. Мне не было страшно. Мы с другом отправились к границе и пересекли ее». ИБТ.

«Думаю, что я поступил глупо, отправившись в Сирию, так как не думал о последствиях. Пока я ждал документы в Турции, мой друг предложил съездить в Сирию ради интереса... Я слышал, что там идет война, просто хотел посмотреть, потому что мне было любопытно и нравилось путешествовать». ИБТ.

² Так называемые «афганские арабы» вдохновлялись схожими идеями во время войны в Афганистане в 1980-х годах. «Мало кто принимал непосредственное участие в боях: большинство ограничивалось оказанием гуманитарной помощи, не покидая территорию Пешавара, а некоторые уезжали через несколько недель. В регионе никогда не было более 3000 арабских боевиков одновременно. У некоторых было что-то вроде летних каникул – «Джихад-тур», который предполагал поездку в Хайберский проход для фотосессии.

личаются, как и вероятность успешного достижения дерадикализации и реинтеграции.

Медиаканалы получения информации

39. Практически все заключенные упоминали, что видеозаписи сыграли решающую роль в принятии решения об участии в конфликте. Этот факт, подтвержденный большинством членов семей ИБТ, также стал предметом многочисленных комментариев со стороны экспертов. Сообщалось, что YouTube был основной платформой для размещения этих видео, а их распространение и обсуждения происходили через социальные сети – главным образом, через «Одноклассники», которые пользовались большой популярностью в бывших советских республиках. Мессенджеры WhatsApp и «Одноклассники» были основными каналами связи: ИБТ использовали их для обмена сообщениями в формате MP3. Такие сообщения включали проповеднические и вербовочные материалы о джихаде в Сирии.

«Я смотрел ролики в Интернете, на YouTube и в «Одноклассниках», где детей насиловали на глазах у родителей. После просмотра 4–5 роликов я больше не мог бездействовать: мне захотелось взять в руки оружие и выступить против Асада. Через «Одноклассники» познакомился с человеком, который помог мне перебраться в Сирию». ИБТ.

40. Тематика видеороликов описана выше. Однако неясно, на один или несколько видеороликов ссылались заключенные. Исследовательской группе не удалось обнаружить видео, подходящее под приведенные описания, что не ставит под сомнение существование подобных видео. Однако возникают вопросы, насколько эти видеоролики соответствуют описанию, данному заключенными. Возможно, непосредственное изображение «изнасилования женщин» и «убийства детей» не прослеживалось, но эти действия были описаны с помощью голосового изложения материала или текста на экране. Исследовательская группа столкнулась с роликами, где женщины в эмоциональных деталях описывают выпавшие на их долю испытания, при этом акты изнасилования фактически не демонстрируются. Аналогичным образом повествование могло сопровождаться изображениями израненных тел погибших детей с пояснениями, что они были убиты солдатами Асада, «которые разбивали их головы о стену». Произнесенные таким образом слова или текст могут эффективно заполнить пробелы в визуальных образах.

В то время как различные видеоматериалы о зверствах сил Асада против гражданского населения были независимо подтверждены сторонними органами по расследованию нарушений прав человека, видеоматериалы, идентичные описанным ИБТ, не были подтверждены в рамках данного исследования. Беглое изучение «Сирийского архива» (Архив, 2021) не дало достаточно четких совпадений. Известно, что существуют сложные и спланированные пропагандистские кампании по построению повествования с использованием как фактических, так и поддельных видеоматериалов. Возможно, что описание ИБТ видеозаписи изнасилования женщины

на глазах у детей было основано на некоей манипуляции с размещенным в Интернете интервью телеканала Al Jazeera (2014), в котором сирийская женщина описывает аналогичное испытание на глазах у своего двухлетнего ребенка.

41. Важно детально изучить данный вопрос для понимания того, как используется пропаганда в целях радикализации. Видеоролики, манипулирующие новостными сообщениями, вряд ли подпадут под правительственную или международную цензуру в отношении графических изображений. Они также не могут быть дискредитированы как фейковые, даже если их сообщение может ввести в заблуждение. Один из заключенных убежден в подлинности видеозаписи, которую он видел, по крайней мере, в техническом плане (см. цитату). В данном случае дело не в том, были ли эти видео фальшивыми, а в том, насколько они отражают предполагаемые зверства визуально. Другой опрошиваемый сказал, что слышал о таких видео, но лично не видел ни одного. Исходя из собственных наблюдений во время пребывания в Сирии, ни один ИБТ не подтвердил истории и действия из этих видео, хотя независимые правозащитные органы подтвердили факты зверств, совершенных в стране (архив, 2021). Любое дальнейшее исследование должно быть направлено на идентификацию этих конкретных видеоматериалов, чтобы определить, в какой степени они отображают подлинные события, а в какой степени ими манипулировали в целях радикализации.

«Я видел там мертвых детей, это не подделка. Я ИТ-специалист, у себя в городе я работал в сфере обработки фотографий. Я могу определить разницу между отредактированным и реальным видео». ИБТ.

42. Трудно переоценить важность понимания экстремистской пропаганды для противодействия радикализации и планирования эффективной дерадикализации. Эксперты также подчеркивали силу визуальных образов в убеждении. Медиаэксперт подчеркнул: «Мы воспринимаем 80 процентов информации визуально, при этом она легко запоминается и оказывает на нас более сильное влияние, чем текст». Другой эксперт отметил, что алгоритмы YouTube невольно способствуют процессу радикализации, привлекая внимание пользователей к аналогичному контенту. Еще один специалист отметил, что «стадный» инстинкт пробуждается при посещении таких сайтов, которые вызывают «примитивные чувства «свой-чужой», то есть помогают в формировании ингрупп и аутгрупп идентичности в конкретной кризисной среде. Психолог по делам молодежи подчеркнул необходимость развития «медийной грамотности» в обществе, чтобы помочь людям научиться «потреблять этот [видео] контент». Проблема в том, что «мы никогда не говорим о влиянии видео на наше восприятие».

43. Существует сложное взаимодействие между кризисом, описанным в нарративах, который указывает на срочную необходимость в ответных действиях, и сетями, которые одновременно формулируют эти нарративные потребности и способствуют радикализации, необходимой для начала действий. Круглански и другие (Kruglanski, Jasko, Webber, Chernikova, and Molinaro, 2018) определили три взаимосвязанных компонента для радикализации: потребность, нарратив и сеть. Хотя это исследование, в основ-

ном, заостряет внимание на психологических перспективах индивида, сама идея и взаимосвязь этих трех компонентов одинаково хорошо применимы к групповой или сценарной перспективе, как, в данном случае, с ИБТ из Кыргызстана.

Социальные сети, идеологи и горячие точки

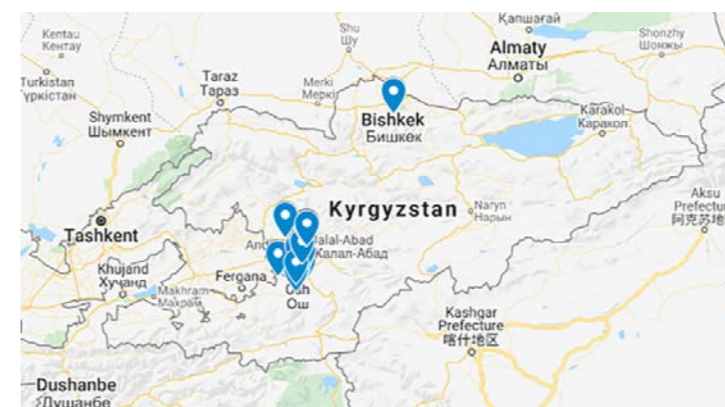
44. Несмотря на мощное влияние нарративов и превалирующее значение социальных сетей в их распространении, среди большинства опрошенных только один человек утверждает, что его радикализация произошла исключительно через социальные сети («Одноклассники»). Вполне возможно, что человек избегал упоминания других лиц в случае, если это могло привести к попыткам и предъявлению обвинений друзьям или членам семьи, причастным к вербовке. В трех из 38 случаев ИБТ утверждали, что встречались с «незнакомцами», которые убедили их отправиться в Сирию. Остальные утверждали, что их уговорили знакомые: люди из соседнего села, одноклассник, друг или член семьи. Это подчеркивает общинный характер радикализации, особенно в кыргызском обществе. По всей видимости, пара радикально настроенных проповедников используют данную сеть для распространения своих взглядов, действуя с молчаливого согласия, по крайней мере, одного из бывших официальных религиозных лидеров. Вследствие взаимодействия этих социальных и религиозных факторов возникает географическая концентрация подобных сетей радикализации.

45. Сирожиддин Мухтаров (также известный как Абу Салах) и его наставник Рашид Камалов, по-видимому, считаются наиболее влиятельными идеологами, на которых ссылаются заключенные и их семьи. Оба были имамами в местных мечетях. Также в ряде интервью родственники упоминали, что вербовщики изучали прихожан в целях выявления подходящих кандидатов для радикализации. Изначально утверждая, что он не разделяет амбиции ХуТ по созданию халифата, а затем оказывая «теологическую» поддержку ИГИЛ, Камалов, похоже, делал то же самое, что и многие другие экстремистские идеологи, – играл словами, чтобы скрыть свои истинные симпатии и избежать судебного преследования. Ему сыграл на руку тот факт, что он открыто критиковал правительства разных стран, особенно правительство Узбекистана. Благодаря этому Камалов заручился поддержкой правозащитных организаций, которые принялись отстаивать его интересы, так как его арест и тюремное заключение были представлены как политически мотивированные. Абу Салах, напротив, проявлял больше открытости в своих взглядах, мотивах и действиях. Его выступления оказали значительное влияние на большинство опрошенных ИБТ. Вероятно, он принимал участие в подготовке трех террористических атак на кыргызов. Многие ИБТ – земляки Абу Салаха, и до своей радикализации они прямо или косвенно контактировали с ним.

46. Большинство ИБТ родом из приграничных районов Ошской и Джалал-Абадской областей, что указывает на возможность существования там крупных очагов радикализации. Причины появления таких очагов рассматриваются в нескольких частях доклада. Предположительно, они исторически обусловлены практикой решения межобщинных конфликтов насильствен-

ными методами и деятельностью определенных религиозных идеологов. Долгосрочные последствия деятельности прохалифатского движения ХуТ также вполне могут быть причиной образования таких очагов. ХуТ поддерживает ДаН (Зенн и Кенаст, 2014, с. 5, с. 5) (Zenn & Kuehnast, 2014, p. 5, p.5). Примечательно, что лидер одной из группировок ДаН Абу Салах родом из этого региона, как и многие его последователи.

Рисунок 1. Карта происхождения ИБТ в Кыргызстане

30% последователей Абу Салаха – из Джалал-Абадской области (город Джалал-Абад – 20 %, село Сузак – 5 %, село Достук – 5 %).

5 % – из Чуйской области (село Воронцовка).

65 % – из Ошской области (село Араван – 5 %, город Ош – 30 %, село Кашгар-Кыштак – 5 %, город Кара-Суу – 25 %).

Влияние коррупции и насилия в сообществах

47. Эксперты также отмечают, что важную роль в радикализации играют структурные факторы. В их числе – несправедливость судебной системы, коррупция, а также дискриминация, направленная преимущественно против узбеков. Из упомянутых факторов коррупция, по-видимому, является главной причиной недовольства в обществе. Кыргызстан занимает 135-е место в индексе восприятия коррупции среди всех стран мира (Transparency International, 2021). Человеку с образованием даже взятки не гарантируют получение хорошего места работы, что порождает недовольство государственной властью и заставляет людей искать лучшей доли за рубежом. Здравомыслящие люди, у которых нет доверия к системе и веры в будущее страны, эмигрируют.

«Когда я учился в школе, мне нравилось, что наша махалля объединяла всех: кыргызы и узбеки жили в согласии и помогали друг другу. Затем, после 2010 года, нас разделили на «сартов» и кыргызов. Сотрудники милиции не отставали от меня, постоянно вымогая деньги. Если бы я не платил, они бы пытались меня и снова отправили в тюрьму. Поэтому в 2014 году я впервые поехал в Турцию на заработки». ИБТ.

«[Коррупция в обществе] – один из факторов, разрушающих страну. Это крайне значимый фактор. Мы видим двойственность власти [ее лицемерие], знаем, что на нее нельзя полагаться, и понимаем, что это затрагивает интересы каждого. Это напоминает хаотичное состояние первобытного общества. Каждый сам за себя. Ведь система не работает» (медиаэксперт).

48. Большинство респондентов так или иначе пострадали от беспорядков в июне 2010 года. Лишь немногие делились своими воспоминаниями о перевороте и жестоких столкновениях, которые они лично наблюдали в своих сообществах. Некоторые из них косвенно указывали на то, что причиной тех событий были неурегулированные противоречия между сообществами. Хотя конфликт носил преимущественно этнический характер, ни один из опрошенных не указал на наличие этнической напряженности в настоящее время. Они были более склонны выражать недовольство государством, которое оказалось неспособным решить этот вопрос. Нежелание обсуждать те события может свидетельствовать о наличии психологической травмы. Посттравматическое состояние могло повлиять на их поведение и принимаемые решения, тем самым способствуя их радикализации. Приведенная цитата показывает, как события 2010 года отразились в нарративах, направленных на радикализацию ИБТ и повлиявших на их решение отправиться в Сирию.
49. Эти выводы перекликаются с результатами независимого расследования июньских событий 2010 года на юге Кыргызстана (Kyrgyzstan Inquiry Commission, 2011). В соответствующем докладе отмечается, что «акты сексуального и гендерного насилия во время этих событий остаются незарегистрированными и практически не признаются властями». По мнению эксперта-психолога, это может свидетельствовать о наличии у многих представителей данных сообществ незалеченных душевных ран и подавленных эмоций, таких как гнев, печаль, разочарование и желание отомстить. Анализ ответов родственников показывает, что отголоски 2010 года сохранились по сей день и не только лежат в основе их недовольства несправедливым отношением со стороны сотрудников правоохранительных органов, но и служат источником личностного отчуждения от социума и государства:

«Эти события были унижительными для узбеков. Было действительно трудно. Сейчас лучше жить в Бишкеке, чтобы больше не пришлось сталкиваться с этим. Я хорошо говорю по-кыргызски. Мои дети тоже. Но на моего сына напали из-за того, что он носил бороду. Его избивали и грабили. Он не сбрасывал бороду, не слушал нас. Я думаю, поэтому его жизнь сложилась именно так [он уехал в Сирию]» (мать, 61 год; ее сын и невестка уехали в Сирию со своими детьми).

Участие в организациях и конкретных действиях

Специфика организации

50. Большинство заключенных, в конечном счете, оказались членами групп в составе ДаН, «Таухид валь-Джихад», «Катибат аль-Бухари» во главе с Абу Салахом и Джайхул Хуром. Другие вступили в ИГИЛ, бригады Сайфуллаха аш-Шишани, «Ахрар аш-Шам» или местный туркменский джамаат. Вербовочная кампания группировки ДаН реализовывала подчеркнуто «гуманитарный» подход, призывая к защите женщин и детей, которых, как они заявляли, насиловали и убивали пособники режима Асада. Вербовка в ИГ, по-видимому, основана на обещании создания мифического, утопического «исламского государства», которое сможет противостоять «злу» демократии. Большинство опрошенных ИБТ были завербованы группировкой ДаН или входили в ее состав. Это объяснялось, главным образом, тем, что один из лидеров ДаН был родом из их региона, а его сторонники в Кыргызстане и за рубежом смогли использовать свою социальную и религиозную сеть для вербовки новых членов. Опрошенные говорят о жестоких и зачастую смертельных столкновениях между представителями этих двух организаций, имеющих при этом абсолютно идентичные цели. Один ИБТ отметил, что данные организации и даже входящие в них группировки борются за каждого рекрута, потому что каждый завербованный укрепляет их власть, влияние и богатство. Сами завербованные почти не имели возможности выбора. Все ИБТ должны были вступить в ту организацию, которая их завербовала. Даже такие лидеры, как Абу Салах, становились жертвами политического соперничества. Как сообщается, Абу Салах был заключен в тюрьму стараниями боевиков ДаН. Жизнь простых новобранцев была сложнее и отличалась практически полным отсутствием свободы.

Способы вербовки

51. Вербовка ИБТ осуществлялась либо непосредственно в Кыргызстане (примерно в 20% случаев), либо через родственников и знакомых (преимущественно), выехавших на заработки в такие страны, как Россия, Турция и Южная Корея. Очевидно, что в этих странах действовали сети вербовщиков. В некоторых случаях трудовые мигранты размещались в общежитиях, которые одновременно служили центрами идеологической обработки. По словам одного из опрошенных, такие центры занимались распространением религиозных идей и брали до 1000 долларов в месяц в качестве «арендной платы» с 200 рабочих. Утверждается, что часть этой суммы направлялась на финансирование терроризма. Даже если эта информация верна лишь отчасти, такое финансирование служило существенной поддержкой для террористов, особенно если эта модель была воспроизведена в других странах. Прошедших идеологическую обработку и пожелавших отправиться в Сирию людей вывозили в Турцию, где некоторые из них проходили военную подготовку перед дальнейшим выездом за границу. Контакт с вербовщиками мог поддерживаться месяцами и даже го-

дами. Примечательно, что двух ИБТ завербовали старшие родственники (дяди), которые поддерживали с ними непосредственную связь в течение нескольких лет.

52. Предполагаемые данные о масштабных кампаниях по вербовке, радикализации и сбору средств в странах, куда направляется большинство кыргызских трудовых мигрантов, требуют дальнейшего изучения. Не исключено, что южнокорейские службы безопасности, например, не были обучены отслеживанию деятельности международных террористических сетей на своей территории в среде мигрантов из Азии. Свидетельства некоторых ИБТ о том, что они проходили военную подготовку в Турции, неподалеку от Стамбула, вызывают особое беспокойство. Несмотря на то, что подобные утверждения ИБТ воспринимаются скептически, очевидных причин исказить информацию о роли Турции у них нет. Если это соответствует действительности, то имеет место либо серьезное нарушение в обеспечении мер внутренней безопасности, либо попустительство со стороны определенных элементов турецкого правительства. По меньшей мере один ИБТ заявил о попустительстве со стороны политических структур. В показаниях других ИБТ прослеживаются косвенные тому подтверждения.

53. Большинство ИБТ принимали решение покинуть свою страну, так как причисляли себя к ингруппе «Мы мусульмане». Они были движимы желанием помочь в решении проблем мусульман в Сирии и чувствовали себя ответственными за страдания своих единоверцев. Такая структура идентичности совпадает с нарративом вербовщиков об изнасилованиях и убийствах мусульманских женщин и детей. Она отражает общую мотивацию ИБТ, выявленную в рамках других исследований, которая представляет собой реакцию на реальную или воображаемую несправедливость, подлежащую устранению (Штерн, 2010) (Stern, 2010). Такая идентичность была чрезмерно расширена, учитывая тот факт, что сирийский конфликт был, в сущности, конфликтом внутри государства, который можно назвать мусульманским лишь условно. Таким образом, религиозный фактор был введен для того, чтобы сузить ингруппу, определив идентичность через идею о том, что истинными мусульманами могут считаться исключительно мусульмане-сунниты, причем определенного толка. Подобный нарратив не только разобщил мусульман, но и вызвал серьезный раскол в семьях, когда радикально настроенная молодежь стала позволять себе вербальные нападки на родителей, преступая все религиозные и культурные запреты.

54. В то же время сами респонденты ожидали получить не только эмоциональную поддержку в связи с готовностью жить в соответствии с религиозными убеждениями, но и реальную практическую помощь (в переезде в определенную страну, в покупке билетов и т.д.). Отсутствие такой поддержки

«Все мусульмане – одна большая семья. Мы должны помогать друг другу. Эти шииты творят беспредел, убивают и насилюют. Я хотел помочь». ИБТ.

«Уезжая в Сирию, я не слушал своих родителей, потому что они не молились. Я просил их [делать это], но безуспешно. Тогда я нагрубил им. Я жалею об этом – не следовало разговаривать с ними грубо». ИБТ

ведет к утрате чувства идентичности или единства с группой. Помимо использования коллективной идентичности в ингруппе вербовщики также с очевидным успехом манипулировали таким качеством новобранцев, как мужественность. Информация об изнасилованиях и убийствах женщин и детей косвенно воздействует на защитные психические механизмы, лежащие в основе мужественности, что особенно ярко проявляется в патриархальном обществе. Чувство долга, обязанность действовать и связанный с этим стыд за бездействие являются известными факторами мобилизации в терроризме. Неудивительно, что некоторые сообщения в социальных сетях напрямую взывали к мужественности потенциальных новобранцев, и для некоторых это стало решающим фактором, чтобы отправиться воевать в Сирию, а не «сидеть, как женщины,» дома.

Практические действия

Оценка террористического опыта

55. 80% из тех, кто побывал в Сирии, испытали разочарование. Причины такой реакции, описанные ниже и в других документах, должны учитываться при составлении общей картины жизни и опыта ИБТ. Главной причиной разочарования ИБТ было существенное несоответствие между идеалистическим мотивом, который их вдохновлял, и той действительностью, с которой они столкнулись. Большинство ИБТ не имели четкого представления о реальной ситуации в Сирии; в интервью они упоминали, что это удивило и шокировало их. Например, они видели, как другие боевики употребляли алкоголь и курили во время месяца Рамадан. Это противоречило рассказам вербовщиков, использовавших для идеологической обработки такие религиозные источники, как коранические аяты и хадисы, а также видеозаписи с участием лиц, которые выдавали себя за исламских теологов. Некоторые ИБТ, наиболее осведомленные в вопросах религии, были особенно разочарованы своим опытом, так как для них мотивом отправки в Сирию было стремление жить в халифате по принципам шариата. Однако оказалось, что в Сирии *«абсолютно все противоречит шариату»*. Критика же положения приводила к различным формам наказания. Так, один из опрошенных ИБТ из-за разногласий с членами группировки ДаН провел восемь месяцев в тюрьме. Другой наблюдал за ожесточенной борьбой внутри различных групп джихадистов и за жесткими мерами, включающими пытки и казни их собственных бойцов в попытке сохранить дисциплину.

56. Родственники рассказывают различные истории о жестоком и пренебрежительном отношении со стороны воюющих группировок. Например, один из родственников осужденного утверждает следующее: *«Женщин там не уважают. Если супруг умирает, через три дня женщину насильно выдают замуж за другого»*. Другой подчеркивает, что *«в исламе нет ничего подобного»*. Он считает это *«издевательством»*, ведь если мужчине нравится чужая жена, он может убить ее супруга, чтобы жениться на ней. Также было упомянуто о случаях, когда вдовы и их дети оставались без еды в течение нескольких дней. Отношение к ИБТ было менее жестоким, но все же лишенным сострадания. Они редко испытывали положительные эмоции. Им было трудно найти дружескую поддержку среди братьев по оружию.

57. Никто из боевиков не упоминал о том, что смог установить крепкие дружеские или товарищеские отношения во время пребывания в Сирии. Такие отношения обычно складываются на поле боя, особенно когда бойцов связывает значимая общая цель, командная работа и общие невзгоды. Исследование, проведенное в американской армии во время Второй мировой войны, показало, что кроме желания вернуться домой боевой дух солдат поддерживали тесные связи с товарищами (Стоуфер, 1949) (Stouffer, 1949). Данное исследование установило, что для большинства солдат молитва была основным способом поддержания боевого духа. Отсутствие товарищеских и дружеских отношений среди сирийских боевиков может указывать на тоталитарный и нестабильный характер таких группировок, лидеры которых не избираются и не назначаются по боевым заслугам. Об этом также свидетельствует наличие постоянного раскола в группировках и внутренняя борьба за лидерство. Ряд опрошенных отметили, что дисциплина в ИГИЛ почти полностью держалась на страхе. Смертные приговоры выносились даже за незначительные проступки. В результате среди боевиков нарастало возмущение и возникло дезертирство. Примечательно, что ИБТ из группировок, позиционирующих себя поборниками религии, не упоминали о том, что молитва помогала им во время боевых операций в Сирии, хотя их обучали совершать омовения и регулярно молиться. Некоторые из них признаются, что только в тюрьме они сосредоточились на молитве и религии. Эти факты наряду с другими обстоятельствами, объясняющими причины разочарования ИБТ, показывают, что в таких группировках жажда насилия и власти затмила чувство духовности и стремление к высокоморальной социальной цели.

«Когда я был в ИГИЛ, я старался ни с кем не разговаривать, боялся сказать лишнее. Любое неосторожное слово способно навлечь подозрение. Меня могли казнить мои же товарищи. Однако я подружился с местными жителями». ИБТ.

58. Одной из главных причин разочарования ИБТ было противостояние между группировками, свидетелями или участниками которого они стали. Это, в частности, касается соперничества между группировками ИГИЛ и ДаН, куда входило большинство заключенных. Такая борьба явно противоречила общей благодородной цели, провозглашенной обеими группировками. Также ИБТ были разочарованы тем, что не испытывали чувства удовлетворения от своей деятельности и не вносили свой вклад в решение тех проблем, о которых им рассказывали на этапе вербовки. В Сирии они не нашли подтверждения той жестокости, которая демонстрировалась в видеороликах и с которой они собирались бороться. Многие из них занимались рутинными делами, которые не отражали главной цели борьбы и не позволяли достичь того образа героического борца, к которому они, вероятно, стремились, отправляясь в Сирию.

«Мы обосновались в одной местности и приступили к изучению религии. Нас учили, как совершать омовения при ранениях и кровотечениях. После двухнедельного обучения мы приступили к боевой подготовке. Через месяц нас отправили на аванпост. Мы просто охраняли границу». ИБТ.

59. Лишь немногие заключенные отмечают, что после пережитого у них сохранилось хоть какое-то ощущение миссии и цели. Даже по джихадистским стандартам этих людей можно назвать наивными идеалистами, примкнувшими к группировкам, о которых они почти ничего не знали. После отбывания тюремного срока такие люди часто попадают под влияние идеологов и террористических лидеров. Исследование показало, что «радикальные убеждения и связи с соратниками-террористами повышают вероятность их повторного вовлечения» (Алтье, Леонард Бойл и Хорган, 2019) (Altier, Leonard Boyle, & Horgan, 2019). С другой стороны, облегчающая вербовку наивность таких людей повышает их готовность к дерадикализации под влиянием продуманного контрнарратива и авторитетной социальной среды, способной оказать поддержку.

«Иншаллах, халифат обязательно наступит. Люди не будут работать, а посвятят себя совершению религиозных обрядов. Они будут создавать семьи, а если не хватит денег на свадьбу, халифат все возьмет на себя». ИБТ.

60. Переосмысление собственного опыта в разных контекстах со временем позволит ИБТ по-новому оценить то, что с ними произошло. Побывав в Сирии, некоторые ИБТ изменили свое мнение о сути конфликта, который изначально воспринимали как борьбу за спасение невинных единоверцев от насилия и убийств. Теперь же данный конфликт представляется им как геополитическое противостояние сверхдержав и энергетических корпораций, которые грабят страну и истребляют население ради собственной выгоды. Данное мнение разделяют родственники отдельных ИБТ, которые считают, что сирийский конфликт был спровоцирован западными странами, чтобы ослабить мусульман, сталкивая их друг с другом. Несмотря на то, что в настоящее время не так много людей придерживаются такой точки зрения, оно представляется достаточно убедительным, поскольку основано на критических выводах очевидцев. Международное сообщество должно установить, насколько эти представления соответствуют реальному положению дел. Если они хотя бы отчасти найдут подтверждение, то все вовлеченные государства и корпорации должны будут разделить вину за радикализацию боевиков и взять на себя обязательства по их дерадикализации. В противном случае подобные нарративы могут создать условия для укрепления антисекулярных, антидемократических и антизападных политических настроений.

«Я считаю себя мусульманином. Согласно проповедям, мусульмане должны протягивать руку помощи нуждающимся... ты должен быть готов ко всему. А в новостях по телевизору показывают репортаж из Сирии, было больно смотреть. Бывало, что я приходил домой с работы и плакал от того, что считал себя недостойным мусульманином, ведь я живу здесь в комфорте и наслаждаюсь жизнью, а там люди страдают. Но, приехав в Сирию, вы увидите только бизнесменов и нефтяников. Они воюют друг с другом, и ничего не меняется: снова нефтяники, бизнесмены и оружие. Я считаю этот конфликт исключительно политическим. Башар Асад пытается извлечь выгоду, Турция преследует свои интересы, так же, как и Америка, Англия, курды... Все пытаются воспользоваться ситуацией». ИБТ.

Влияние опыта участия в боевых действиях на психическое здоровье

61. Участие в боевых действиях может рассматриваться как серьезный стресс, который способен вызвать психологическую травму практически у любого человека. В отличие от многих других стрессовых ситуаций, боевой опыт может стать причиной психологической травмы с отсроченными последствиями (Малкина-Пых, 2005) (Malkina-Pykh, 2005). Анализ рассказов заключенных показывает, что не менее четверти осужденных, вероятно, имеют симптомы посттравматического стрессового расстройства из-за участия в боевых действиях.³ Некоторые респонденты отказались обсуждать события, участниками которых они стали в Сирии. Можно предположить, что их отказ был обусловлен нежеланием вспоминать травмирующие события, вызывающие у них такие эмоции, как вина, стыд, гнев, страх и печаль. Участники боевых действий испытывают на себе влияние множества факторов (А. Л. Пушкарев, В. А. Доморацкий, Е. Г. Гордеева, 2000) (A.L.Pushkaryov, V.A.Domoratsky, & E.G.Gordeeva, 2000), о которых можно судить по высказываниям опрошенных. Например:
- острое ощущение угрозы жизни, страх смерти, травмы, боли и инвалидности:
    - один из опрошенных так описывает свой страх неминуемой смерти: *«Мы были в окопе и стреляли без остановки... Неподалеку стоял дом. Пролетел самолет и сбросил бомбу. Я сидел в траншее и, закрыв глаза, вспоминал свою жизнь. Многие события пролетели у меня перед глазами. В то время меня просто охватил страх. И я подумал о том, что умру так рано»;*
  - стресс, возникающий у непосредственного участника боевых действий и одновременно - психоэмоциональное напряжение, связанное со смертью боевых товарищей или необходимостью убивать противников:
    - *«Я старался не принимать активного участия в бою. Я понимал, что, если поднять голову, можно получить пулю в лоб. Я видел тела погибших и смерть людей на поле боя, и мне было страшно»;*
  - влияние специфических факторов боевой обстановки (дефицит времени, скорость реакции, внезапность, неопределенность, новизна):
    - о неопределенность и непредсказуемость боя описаны в рассказе одного заключенного: *«Я бросил лимонку [гранату] в пост, где находились кафиры, шииты. Она ударила о стену и отскочила*

“
«Я был в Сирии, но мне не хочется рассказывать об этом. После того, как меня завербовали, я сам стал вербовщиком. Затем в 2015 году я решил выйти из группировки и уехал работать в Турцию. Потом мне сказали, что я пойду на джихад. Мне не было страшно. Мы с другом отправились к границе и пересекли ее». ИБТ.

³ Поскольку в задачи исследования не входила диагностика психического здоровья респондентов, данная оценка носит предварительный характер, основывается на наблюдениях психолога, входившего в состав исследовательской группы, и является гипотезой, на основании которой могут быть разработаны рекомендации по дальнейшей работе с данной категорией заключенных.

обратно ко мне. В этот момент у меня вся жизнь пролетела перед глазами. Я этого никогда не забуду». ИБТ;

- непривычность климата и особенности местности, где ведутся боевые действия (разреженный воздух, жара, палящее солнце и т. д.):
    - оторванность от мира, неустроенность и ужасы войны до такой степени контрастируют с нормальной жизнью дома, что многие неожиданно для себя обнаруживают желание все бросить и вернуться: *«Когда мы прибыли [в Сирию], у меня забрали паспорт. На тот момент не было никаких боевых действий. Как-то днем я собирался поехать и вдруг услышал шум вертолета. Потом раздался свист, и на нас полетели около 50-60 бомб. В доме, где я находился, вылетели окна, обрушились стены. Я сильно испугался, после налета пошел к дяде и попросил у него свой паспорт». ИБТ;*
  - физическое напряжение, вызванное бытовыми трудностями (недостаток сна, нехватка воды и пищи и т. д.):
    - из-за трудностей и неудач некоторые ИБТ разочаровались в своем решении и начали считать его бессмысленным: *«Жизнь в Алеппо была тяжелой. Там не было света, и мы жили в полуразрушенных домах. Нас постоянно бомбили. Я хотел помочь мусульманам, но оказалось, что моя помощь бесполезна. Против нас использовали самолеты, бомбы, и, в целом, армия Асада была вооружена лучше». ИБТ.*
62. Потенциальные психические травмы, о которых могут свидетельствовать данные примеры, требуют полноценного изучения и лечения, чтобы эти люди в будущем не были потенциальной угрозой для своих семей или сообществ. Недавние исследования, проведенные в Великобритании и США, показали, что люди, принимавшие участие в боевых действиях, «крайне склонны к совершению насилия в отношении как членов своих семей, так и незнакомых людей» (Кван и др., 2018) (Kwan et al., 2018). Эти материалы также содержат примеры, способные стать хорошим инструментом для разоблачения образа героического борца за идеалы, который используют вербовщики.

Будущие последствия

63. Некоторые опрошенные убеждены: хотя война в Сирии потеряла свою привлекательность, но если бы подобные события произошли в другой стране, то еще нашлись бы желающие поехать. Это означает, что угроза мировому сообществу со стороны ИБТ остается. Здесь следует отметить, что возвращающиеся в свои страны ИБТ зачастую не проходят полную дерадикализацию. Существуют различия между утратой иллюзий (с которой сталкиваются большинство ИБТ), выведением из конфликта вследствие заключения в тюрьму и дерадикализа-

“
«Демократия – это система куфра. В даватах [проповедях] на YouTube говорят правду, они подтверждают, что мы должны жить в соответствии с сунной. Принципы ислама необходимо воплотить в жизнь. Все, что я прочитал и узнал из Корана, применимо к нашей жизни, и все, что они [вербовщики] говорят о войне, – правильно. Наши ученые боятся говорить открыто из-за страха оказаться в тюрьме». ИБТ.

цией (такие случаи подтверждаются лишь малым числом объективных свидетельств). ИБТ, в основном, демонстрируют критическое отношение к правительству и судебной системе своей страны. Подобных взглядов часто придерживаются и члены их семей, хотя и в более пассивной форме. Стоит отметить, что политический ислам (исламизм) возник в ответ на предполагаемые недостатки западных демократических систем управления. «Аль-Каида», ИГИЛ, «Джебхат ан-Нусра», «Хизб ут-Тахрир» – все эти движения отличаются только методами реализации идей исламизма. Некоторых людей, разочаровавшихся в создании «Исламского государства» за рубежом, может привлечь идея исправить ситуацию в своей стране. Это означает, что внутренняя террористическая угроза возрастает, когда несколько ИБТ или других радикализированных лиц объединяются для решения существующих, по их мнению, политических или религиозных проблем.

64. Данные риски повышаются в случае, если находящиеся у власти политики решат разыграть религиозную карту, продвигая политику и законы, которые можно расценить как исламские. Вероятность того, что это произойдет, достаточно высока. Результаты опросов показывают, что подавляющее большинство молодых кыргызстанцев поддержали бы политика, имеющего ярко выраженные религиозные взгляды (Насритдинов и др., 2019) (Nasritdinov et al., 2019). Такой политический подход допускает, что Кыргызстан может превратиться из светского в «исламское» государство, что поставит в невыгодное положение религиозные меньшинства. Более того, хотя интерпретации ислама, в целом, отличаются разнообразием и гибкостью, экстремисты имеют ограниченное и категоричное видение ислама. Любое отклонение от нынешнего светского статуса страны, допускающее плюрализм взглядов внутри религий, вероятно, только прибавит им смелости. Принятие любой нерадикальной версии ислама может быть воспринято как неадекватный шаг или даже угроза их версии «исламского» государства, как это можно наблюдать в других странах с преимущественно мусульманским населением. По этим причинам государству важно признать данную проблему и попытаться решить ее сейчас, не дожидаясь, пока она разрастется и усугубится. Центральным элементом работы правительства должна стать целенаправленная и хорошо финансируемая программа дерадикализации с применением контрнарративов, основанных на печальном опыте иностранных боевиков-террористов.

Дерадикализация и реинтеграция

Контекст

65. Уязвимость молодых людей к радикализации усиливают три важных и взаимосвязанных контекстуальных фактора. Это отсутствие местных экономических возможностей, застарелый неразрешенный этнический конфликт и процветающая коррупция, проявляющаяся как в финансовой эксплуатации бедных слоев населения, так и в неудовлетворительной работе системы правосудия. В совокупности эти факторы вызвали политическое недовольство, из-за которого многие и впредь будут стремиться к идеализированной политической системе, основанной на мифических представлениях о халифате. Стоит отметить, что разочарование ИБТ было вызвано поведением людей, занимающихся созданием «страны шариата», а не са-

мой идеей. Поэтому, если мы хотим добиться устойчивости любой инициативы по дерадикализации, данные три вопроса заслуживают самого пристального внимания правительства.

66. Эти уязвимости экономического и политического характера используются экстремистскими проповедниками, которые создали теологическое обоснование для гуманитарной интервенции в Сирии, основанной на религиозной идентичности, или непосредственно для идеи построения идеального и справедливого халифата. Деятельность этих проповедников, которая, вероятно, предшествовала сирийскому конфликту, выявлена и в других горячих точках, где создавалась радикальная религиозная среда, делающая людей особенно уязвимыми для экстремистских идей. Эти проповедники обеспечили основу для последующей вербовки, радикализации и создания логистической сети для потенциальных ИБТ в Сирии. Одной из особенностей, усиливающей привлекательность их риторики, была способность указывать на повсеместную коррупцию, которая не дает осуществить личные планы, заставляет постоянно бороться за выживание, вынуждает многие семьи разделяться только для того, чтобы заработать на пропитание. Официальные мусульманские лидеры могли бы более эффективно противодействовать способности экстремистов толковать священные тексты в оправдание насильственных действий, но они, судя по всему, не прилагают достаточных усилий для продвижения учений, призывающих к честности, справедливости, миру и гармонии во всем кыргызстанском обществе. Духовные лидеры Кыргызстана должны создать себе репутацию независимой силы, продвигающей фундаментальные религиозные моральные принципы, которые направлены на борьбу с коррупцией во всех слоях общества, а также на более выверенное и эффективное теологическое противодействие радикальным и воинственным интерпретациям ислама, таким как построение «Исламского государства», не имеющего общепризнанного исторического прообраза.

Причины возвращения

67. Причины возвращения большинства ИБТ на родину связаны с тем, что они в той или иной степени утратили иллюзии об участии в террористических организациях и о характере конфликта в Сирии. Уже этот факт дает повод для оптимизма относительно перспектив дерадикализации. Хотя в данном исследовании непосредственно не изучаются существующие программы дерадикализации, оно призвано внести вклад в ПНЭ, дерадикализацию и другие политики и мероприятия по противодействию терроризму. Следовательно, выводы и рекомендации направлены на достижение этой цели.
68. Самым распространенным мотивом возвращения ИБТ было беспокойство о семье, которая, в свою очередь, переживала за них. На втором месте – страх, вызванный жизнью в условиях постоянной опасности. Большинство заключенных сожалеют о своей поездке, а многие рассказывают в содеянном. Более половины продолжают следовать своей

«Мой отец умер, пока я был в Сирии. Мне сказали, это случилось из-за того, что он переживал за меня. Я вернулся ради семьи и матери. По поводу Сирии моя мать сказала: «Пусть мертвые хоронят мертвых, смотрите в будущее и не живите прошлым». ИБТ.

новоприобретенной радикальной салафитской и исламистской форме ислама, но не признают (по крайней мере, в настоящее время) идею джихада. Все заключенные подавлены, разочарованы и возмущены выдвинутыми против них обвинениями и вынесенными приговорами. Многие утверждают, что сотрудники правоохранительных органов пытали их, вынуждая давать признательные показания.

69. Разочарование в мотивах и поведении тех групп, в которые они вступили, стало еще одним важным фактором. В первую очередь, между группировками существовало открытое жесткое соперничество, которое, по-видимому, привело к конфликту идентичности в умах ИБТ. Группа, к которой они присоединились, не только не смогла продемонстрировать качества, необходимые для укрепления лояльности ее членов, но и начала саморазрушаться. Группировка рассматривала любую критику как угрозу, тем самым разобщая людей еще больше. По меньшей мере один ИБТ был вынужден бежать после того, как его приговорили к смертной казни за несогласие с политикой ИГИЛ. Страх смерти или ранения в бою также повлияли на решение некоторых ИБТ вернуться. Пятеро из тех, кто принимал участие в боевых действиях, были ранены. Они нуждались в стационарном лечении, для чего их отправили в Турцию. Турецкие власти идентифицировали их как ИБТ и депортировали в Кыргызстан.

«В 2014 году различные организации в Сирии начали дробиться на группы, джамааты. Видя это, я решил уехать из Сирии. Конфликты между джамаатами вылились в вооруженное противостояние. Я не хотел убивать мусульман. Я хотел помочь мусульманам, но оказалось, что моя помощь бесполезна. Осознав, что все мои усилия были напрасны, я задумался об отъезде». ИБТ.

70. Трое из 38 ИБТ вернулись с конкретной целью осуществления террористических актов. Один боевик рассказал, что после того, как он попал под удар российских ВВС и потом вытаскивал женщин и детей из-под обломков, он решил отправиться в Россию и отомстить – «совершить там теракт», но его планы изменились по приезду в Казахстан. Два человека входили в группу, посланную Абу Салахом, чтобы убить главу ахмадийской мусульманской общины в Оше. Это спланированное убийство стало одной из немногих, если не единственной, акцией, успешно проведенной сирийской террористической группировкой на территории другой страны.

Допросы и пытки

71. Большинство ИБТ заявляли о нарушении их прав, включая пытки после ареста в Кыргызстане. Хотя данное исследование не включало специального изучения данного вопроса, следует отметить, что 16 из 38 заключенных в своих интервью сообщали о применении пыток по отношению к ним. Провести независимую проверку этой информации не представлялось возможным, но схожий характер утверждений и заявления правозащитных организаций о практике применения пыток в органах безопасности страны позволяют предположить, что эти сведения заслуживают доверия. Шесть опрошенных также говорили о вымогательствах и требовании взяток со стороны сотрудников правоохранительных органов и судебной си-

стемы, причем один заключенный утверждал, что у него требовали взятку в размере 5000 долларов. Эти сведения следует рассматривать при анализе мировоззрения заключенных и мер, необходимых для их эффективной дерадикализации.

72. Быстрый и эффективный допрос подозреваемых правоохранительными органами и спецслужбами является важнейшим компонентом любой стратегии борьбы с терроризмом. В странах с высоким уровнем секьюритизации существует глубоко укоренившееся представление о том, что пытками можно добиться быстрых и эффективных результатов. Это убеждение подкрепляется тем, что с помощью пыток действительно можно получить имена других подозреваемых, а также показания против них, что успешно используется в практике уголовного преследования. Однако нет никаких доказательств, что полученная таким образом информация достоверна и что такие же или более ценные сведения не удалось бы получить с помощью других, более надежных методов. Правовые и этические нормы – основные аргументы против пыток, что, в свою очередь, может выглядеть неубедительным для тех, кому поручена борьба с терроризмом и предотвращение террористических актов. К тому же террористы, по их мнению, не заслуживают снисхождения, так как сами не уважают права других. Поэтому данный вопрос следует рассматривать, прежде всего, как вопрос обеспечения безопасности, борьбы с терроризмом и дерадикализации. В этом контексте исследования неоднократно показывали, что пытки при допросах неэффективны (O'Mara, 2015) (O'Mara, 2015). Есть и другие, более действенные методы получения информации от террористов, особенно тех, кто руководствуется идеологическими мотивами. Последствия применения пыток при допросах могут негативно сказаться на эффективности выявления будущих террористических угроз, а тем ИБТ, которые подвергались пыткам, будет труднее дерадикализоваться и реинтегрироваться в общество.

Условия содержания в тюрьме

73. Условия содержания под стражей имеют решающее значение для того, чтобы бывшие ИБТ не подвергались дальнейшей радикализации, а также для максимального использования потенциала тех, кто готов к дерадикализации. Практика показывает, что неспособность решить проблему дерадикализации во время пребывания в тюрьме приводит к тому, что после освобождения террористы совершают еще более жестокие преступления (Стерн и Паскарелли, 2020) (Stern & Pascarelli, 2020). В Кыргызстане принимаются определенные меры по решению этой проблемы, но только в плане отдельного содержания заключенных-экстремистов и обычных преступников, для чего в 2016 году были внесены поправки в законы о противодействии экстремизму и терроризму. Заключенные, осужденные за подобные преступления, теперь содержатся в условиях строгого режима, отдельно от прочих преступников. За исключением часа, выделенного на прогулку, бывшие ИБТ постоянно находятся в своих камерах, не имея доступа к образованию, профессиональному обучению или другим занятиям. Хотя эта ситуация позволяет избежать радикализации других заключенных, она создает условия для дальнейшей радикализации самих ИБТ, поскольку не позволяет им отвлечься от своего недовольства и не готовит

к законной реинтеграции в общество путем обучения какой-либо профессии. В тюрьмах не проводятся программы дерадикализации.

74. Заключенные считают несправедливой и несоразмерной меру наказания, которую к ним применили. По мнению одних, они отправились в Сирию с благородной миссией – защищать женщин и детей. Они также утверждают, что все их «преступления» были совершены за пределами Кыргызстана, и поэтому сомневаются в юрисдикции законов страны по отношению к ним. Другие – задаются вопросом, почему их обвиняют в экстремизме и терроризме только за то, что они хотят жить по законам шариата. Это свидетельствует о том, что среди кыргызстанских мусульман концепция шариата обсуждалась недостаточно широко, чтобы выявить все многообразие существующих интерпретаций. Отсутствие критических дебатов позволило воспринимать его как единую идею, которую отстаивают экстремисты, а умеренные, как считается, идут на компромисс. Многие говорят, что они никого не убивали и не насиловали, подчеркивая, что отправились в Сирию как раз для борьбы с этими злодеяниями, но теперь с ними обращаются хуже, чем с теми, кто осужден за подобные тяжкие преступления.
75. Следующим моментом, заслуживающим внимания, является совместное проживание в заключении экстремистов и террористов разного толка. Хотя другие заключенные содержатся отдельно от тех, кого обвиняют в терроризме и экстремизме, в этой второй категории не существует какого-либо дополнительного разделения. В эту группу входят лица, осужденные как за насильственные формы экстремизма (например, участники ИГИЛ), так и за экстремистскую деятельность, не связанную с насилием (например, члены ХуТ), и они могут содержаться в одной камере. С одной стороны, это провоцирует споры между заключенными, а с другой – может радикализировать тех, кто ранее не был готов применять насилие. Кроме того, воинствующие экстремисты могут научиться у членов ненасильственных группировок, таких как ХуТ, принципам построения сетевых структур. Угроза взаимного обучения и радикализации возрастает из-за того, что многие заключенные почти ежедневно получают передачи от своих семей или, возможно, членов своих организаций (большинство осужденных отказываются есть тюремную пищу, потому что не считают ее халяльной, и полагаются на доставку еды извне).
76. В некотором смысле совместное содержание сторонников насильственного и ненасильственного экстремизма представляется более опасным, чем совместное содержание членов различных насильственных экстремистских групп. Так или иначе, группировки ХуТ, ИГИЛ и ДаН имеют одну и ту же конечную цель – создание политического халифата. Их подходы различаются только методологией, да и то, по большей части, лишь в области публично озвучиваемой формулировки. В то же время есть свидетельства соперничества и неприязни между членами ИГИЛ и ДаН, отбывающими тюремный срок. По словам членов ДаН, сторонники ИГИЛ атаковали и убивали их соратников по политическим мотивам. Они часто обвиняют друг друга в вероотступничестве, чтобы обосновать подобные расправы.

РЕАБИЛИТАЦИЯ И РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ ИБТ ■

Дерадикализация и реинтеграция

77. «Ожидания относительно программ радикализации и реабилитации в Кыргызстане нельзя назвать реалистичными» (эксперт по проблеме экстремизма в тюрьмах). Они варьируются от прямого отрицания эффективности и полезности таких программ до чересчур наивной и оптимистичной веры в их результативность. Никто из ИБТ и членов их семей не был охвачен какими-либо мерами по дерадикализации или реинтеграции. В этом отношении в стране осуществлялись только проекты, спонсируемые международными организациями или странами-донорами. Для борьбы с экстремизмом в долгосрочной перспективе и для предотвращения потенциальных угроз безопасности необходимы устойчивые общенациональные программы по реабилитации и реинтеграции ИБТ. Для чего также необходимо вовлекать местные сообщества по укреплению социальной устойчивости, которая поможет бывшим ИБТ избежать рецидивов, а также позволит предотвратить вербовку и радикализацию людей экстремистскими и террористическими группами (Дечесн и Де Рун, 2013, с. 90) (Dechesne & De Roop, 2013, p.90). Это, в свою очередь, требует устранения таких социальных проблем, как безработица, дискриминация и социальная депривация. Для успешного осуществления стратегий, программ и инициатив требуется эффективная информационная составляющая, и здесь решающую роль играют альтернативные нарративы и контрнарративы. Выше были выделены некоторые темы, которые могли бы лечь в основу этих нарративов, такие как утрата иллюзий, с которой сталкиваются боевики. Такие идеи, как стремление к справедливости и забота о ближних, необходимо представить в более привлекательном свете по сравнению с тем, как они эксплуатируются в нарративах экстремистов. Они могли бы включать такие призывы, как «Помоги детям и женщинам здесь!» или «Стань героем для родной страны!». Чтобы достичь максимальной эффективности и привлекательности, такие нарративы должны постоянно продвигаться различными средствами массовой информации, включая показ полнометражных документальных или художественных фильмов.
78. В Кыргызстане нынешний дискурс более ориентирован на религиозную реабилитацию, направленную на отказ от джихадистско-такфирской идеологии. Судя по всему, она неэффективна, поскольку никто из опрошенных ИБТ, членов их семей или экспертов не привел каких-либо аргументов из этой программы. С точки зрения противодействия экстремизму, основной исламский дискурс в Кыргызстане в лучшем случае неэффективен, а в худшем – контрпродуктивен. В некоторых интервью упоминался бывший муфтий Кыргызстана (Чубак ажы Жалилов), который пропагандировал идеи такфиризма. Вместо безуспешных нападок на экстремистскую теологию, мусульманским лидерам необходимо начать распространять позитивные послания с упором на религиозные учения о честности, сострадании и мире. Следует пояснить, что концепция обвинения в вероотступничестве не только противоречит светской конституции государства, но и открывает путь экстремизму в стране.

79. Когда религиозные лидеры объявляют людей вероотступниками, они лишают их доступа к избранной вере и создают прецеденты для применения все более узких критериев определения аутгрупп. Эта тенденция неоднократно подтверждается свидетельствами опрошенных. Вероотступничество шиитов постоянно подчеркивалось в радикальной пропаганде как ДаН, так и ИГИЛ, и было очевидно, что ИБТ настроены против шиитов. Заявление о вероотступничестве также использовалось для оправдания убийства мусульманина-ахмади Юнусжана Абдулжалилова, совершенного террористами в Кыргызстане. Вероотступничеством пытаются обосновать даже убийство одних джихадистов другими, как это видно на примере конфликтов между членами ДаН и ИГИЛ, перерастающих в применение насилия. В целом, вероотступничество – разрушительная идея, и если позволить ей закрепиться в официальном дискурсе, это может обернуться всплеском насилия или даже открытого конфликта между мусульманскими общинами страны. Использование религиозными лидерами идеи вероотступничества в нынешней предвзятой манере сеет раздор и разделяет мусульман, что, в том числе, противоречит тому же Корану, предостерегающему против создания фитны (смуты) в обществе. Вместо этого лидеры могли бы использовать множество позитивных учений в исламе, которые призывают верующих исповедовать принципы честности, справедливости, мира и служения людям. Так они не только выполняют свой религиозный долг, но и вносят вклад в развитие общества и укрепление безопасности.

«Мы были осуждены за убийство члена секты ахмади. Ахмади не мусульмане. После совершения убийства мы как-то смотрели новости, и там Чубаку ажы задали вопрос об ахмадийцах. Он ответил, что они не мусульмане». ИБТ.

80. Хотя религиозная реабилитация является центральным компонентом борьбы с религиозным экстремизмом и терроризмом (Гунаратна, 2015) (Gunaratna, 2015), данное исследование показывает, что ИБТ, в основном, религиозно неграмотны; их знания и обучение охватывают только базовые ритуальные практики. Плохо продуманные и поверхностные инициативы по религиозной реабилитации могут вызвать обратный эффект: пробуждение интереса к религии, что без должного наставления может привести к принятию радикальных убеждений. Кроме того, любое обсуждение религии воспринимается радикально настроенными заключенными как агрессивная попытка поставить под сомнение истинность их веры. Учитывая тот факт, что в пенитенциарной системе, как и в стране в целом, не хватает авторитетных теологов, способных должным образом вести религиозную реабилитацию, целесообразно сосредоточить внимание на психологических и иных реабилитационных мероприятиях, направленных на отказ от насилия. Религиозная реабилитация должна проводиться очень тщательно, с учетом уровня религиоз-

«В тюрьме я начал изучать религию. В камере сидит парень, который был в Сирии. Он учит меня арабскому. У нас много времени, мы вместе читаем Коран, изучаем хадисы. Книжки нам обычно приносят родственники». ИБТ.

ности индивида, фактов применения им насилия, характера его связей с террористическими организациями, мотивов и т.д., а также возможностей лиц, которые вступают с ним в контакт.

Психологическая реабилитация

81. Как указывалось ранее, весьма вероятно, что многие ИБТ страдают от связанных с конфликтом травм и, возможно, иных психологических проблем. Без должного внимания они могут представлять угрозу для своих семей, из-за склонности к крайним формам бытового насилия, или для безопасности государства, в случае возвращения на путь терроризма. Другие исследования показали, что программы дерадикализации «должны быть адаптивными и разрабатываться индивидуально в зависимости от мотивов и идеологических воззрений конкретного террориста» (Бертрам, 2015, с. 126) (Bertram, 2015, p. 126). Индивидуальные программы дерадикализации требуют понимания «подталкивающих» и «притягивающих» факторов, характерных для индивида. Для обеспечения эффективности «необходимо учитывать не только идеологические, но и психологические факторы, а также взаимодействие между ними» (Дечесн и Де Рун, 2013, с. 90) (Dechesne & De Roon, 2013, p. 90, p.90). Некоторые эксперты (Штерн, 2010) (Stern, 2010) предостерегают от тенденции полагаться лишь на религиозные или идеологические факторы, как это происходит в мусульманских странах. Радикализация частично удовлетворяла потребность индивидов в признании и обретении чувства принадлежности к той или иной группе. Семьи ИБТ, большинство из которых ничего не знают о дерадикализации и реинтеграции, инстинктивно осознают важность подобных вмешательств. Такие программы психологической помощи должны поддерживать эффективный процесс ресоциализации, способствующий реабилитации. Стратегические цели реабилитационных программ должны включать развитие личностной зрелости до адекватного уровня, при котором человек может принимать самостоятельные решения, различать когнитивные искажения в образе своих мыслей и полагаться на собственные внутренние ресурсы, а не искать поддержки извне.

«Я считаю, что абсолютно все нуждаются в помощи психолога после возвращения. Сирот можно разместить в медресе, но только после прохождения лечения у психологов. Их не следует отправлять туда сразу. Моему сыну тоже потребуется психолог после освобождения [из тюрьмы]». Мать ИБТ.

Вовлечение местных сообществ

82. Многие эксперты поднимали вопросы, связанные с социальным окружением, подчеркивая необходимость создания правильной среды. Они подчеркнули, что здоровые и позитивные отношения внутри сообщества играют важную роль в предотвращении радикализации и

«У Багдади [ИГИЛ] есть свои люди по всему миру. Они знают, кто где находится, сколько их братьев отбывают тюремный срок, кто о чем говорит. Вполне возможно, что когда-нибудь они проявят себя». ИБТ.

противодействию ей. Местные сообщества должны быть готовы принять отбывших наказание ИБТ. В настоящее время в большинстве сообществ, куда вернутся эти люди, все еще находятся лица, симпатизирующие экстремистским и воинствующим движениям, таким как ХуТ, ДаН и ИГИЛ. В этих условиях для некоторых заключенных, вышедших на свободу, существует высокий риск рецидива. Для успешной реинтеграции ИБТ в общество необходимы социальные и общественные мероприятия, которые помогут им обрести новую духовную или социальную цели.

«Когда человек видит какую-то [социальную или духовную] перспективу, формирует некое видение, он обретает связь с чем-то другим, что, к примеру, отличается от его друзей из борцовского клуба или тех же радикализирующих видео. Это очень важно. Пока я не встречал примеров таких целенаправленных усилий» (эксперт по молодежной политике).

83. Анализ интервью показывает, что большинство родственников заключенных не доверяют правоохранительным органам и, в основном, скрывают тот факт, что некоторые члены их семей уехали в Сирию в качестве ИБТ. С другой стороны, люди, доверявшие правоохранительным органам, открыто заявлявшие о своей проблеме и ожидавшие помощи от государства, не получили поддержки и разочаровались в сложившейся ситуации. Полученные результаты показывают, что родственники сыграли большую роль в решении многих ИБТ отказаться от терроризма и вернуться в Кыргызстан. Результаты также указывают на готовность семей поддержать ИБТ и помочь в их дерадикализации. Однако в настоящее время такие семьи не получают никакой поддержки, будь то информация, консультации или ресурсы, которые могли бы помочь в решении этих проблем. Например, некоторые ИБТ нуждаются в психологической (психической) помощи после травмы, при этом большинство семей не могут им этого обеспечить или оказать должную поддержку.

84. Родственники экстремистов и террористов остаются уязвимой группой, поскольку непосредственно контактируют с ними. Внутри семьи может возникнуть напряженность, если ее члены не поддерживают идеологию ИБТ. В то же время семьи подвергаются стигматизации и почти автоматически попадают под подозрение правоохранительных органов. Поэтому семьи также уязвимы для радикализации, криминализации и проблем с психическим здоровьем, для эффективного решения которых необходима поддержка на государственном уровне. Любая поддержка, оказываемая семьям, приносит двойную пользу. Она не только защищает их от упомянутых уязвимостей, но и укрепляет их способность вносить вклад в дерадикализацию ИБТ и предотвращать рецидивизм.

“Я считаю, что всех наших граждан необходимо вернуть. Но вряд ли это возможно. Потому что наше [правительство] не может помочь даже тем, кто сейчас находится здесь [в Кыргызстане]. Все, в том числе чиновники, думают только о том, как набить свои карманы». Родственник ИБТ.

ВЫВОДЫ ■

Исследование и методы

85. Исследование показало, что примененная адаптированная методология ORBIT успешно помогла наладить относительно открытый диалог с заключенными. Установлению раппорта в значительной степени способствовало то, что исследователи проводили интервью наедине с респондентами. Большинство тем, от обсуждения которых заключенные отказывались, были связаны со страхом изобличения себя или других людей. Случаев враждебного отношения к интервьюерам не наблюдалось. Очевидно, что заключенные иногда давали вымышленные ответы, чтобы скрыть вину других людей, но в тех случаях, когда результаты интервью можно было сопоставить с информацией, полученной от членов их семей, удавалось сформировать более точную и достоверную версию событий. Чтобы более глубоко изучить некоторые вопросы, было бы лучше провести интервью с одним и тем же человеком несколько раз. Для повышения открытости, особенно при общении с членами семей, было бы полезно получить некое правовое обязательство о том, что материалы, разглашенные в ходе этих интервью, не могут быть представлены в качестве доказательств в суде.

Движущие силы радикализации

86. Большинство ИБТ столкнулись с социально-экономическими обстоятельствами, которые сделали их уязвимыми к призывам, исходящим от альтернативных политических и экономических систем. Это повысило их восприимчивость к идее построения справедливого общества (в данном случае халифата). Слаборазвитая экономика, дискриминация и коррупция привели к тому, что многие из опрошенных не получили должного воспитания и были разлучены с родителями, которым пришлось уехать в другие страны в поисках работы. Большинство респондентов получили минимальное обязательное образование, после чего тоже были вынуждены устроиться на работу, чтобы сводить концы с концами. Лишь четверо ИБТ отправились в Сирию непосредственно из Кыргызстана, остальные были завербованы во время работы (в одном случае – учебы) за границей: в Турции и России, реже в Казахстане, Украине или Южной Корее. Интервью с ИБТ убедительно свидетельствуют о существовании в этих странах вербовочной сети, участники которой после вербовки подвергали людей идеологической обработке, используя религию в качестве основной темы, а также забирали часть дохода в целях финансирования терроризма. Если утверждения о том, что в Турции проводится военная подготовка боевиков, правдивы, возникают следующие вопросы об информированности страны о террористических сетях, действующих на ее территории, и возможной поддержке этих сетей. Существование и функционирование таких международных вербовочных сетей заслуживают, чтобы международное сообщество совместно с представителями Кыргызстана занялось их изучением. Предполагаемая деятельность в Южной Корее вызывает особое беспокойство, поскольку, по всей видимости, никаких независимых иссле-

дований, подтверждающих крупномасштабные операции по вербовке, идеологической обработке и сбору средств на ее территории, не проводилось.

87. Процесс радикализации, по-видимому, проходил диффузорно, без каких-либо триггерных факторов, за исключением конкретного события, упомянутого несколькими ИБТ, которое укрепило их назревающее решение об участии в террористической деятельности. У всех опрошенных ИБТ, за исключением нескольких случаев, был выявлен низкий уровень религиозных знаний или практик, в большинстве случаев то же самое наблюдалось и в их семьях. Вследствие этого они оказались уязвимы к влиянию тех, кто называл себя богословами и цитировал Священное Писание. Респонденты из числа ИБТ, в основном, проживали в одних и тех же регионах страны, что указывает на наличие очагов радикализации и вербовочной деятельности. Эти районы характеризовались постконфликтным наследием, повлекшим межэтническую напряженность, недовольство коррупцией и дискриминацией, распространение экстремистских идеологий и формирование сети идеологов насильственного экстремизма. Наличие таких очагов показывает, как сочетание различных факторов может сформировать благоприятную среду для распространения радикальных идей и радикализации, ведущей к насильственному экстремизму. Остается открытым вопрос, формируются ли в данный момент другие очаги радикализации в стране и будут ли они появляться в будущем.
88. Религия использовалась как главный источник идентичности для формирования ингрупп и аутгрупп, создания кризисной ситуации и оправдания насилия вопреки распространенным священным учениям. Многие новобранцы и их семьи слабо разбирались в религии, что делало их уязвимыми для идеологической обработки со стороны радикальных проповедников, отстаивавших мифическую и политизированную версию религии. Имеются убедительные признаки того, что «общепризнанные» исламские институты не пользовались доверием и не смогли предоставить эффективный религиозный контрнарратив, основанный на позитивной альтернативе идее политического халифата, для решения национальных и международных проблем. По крайней мере, в одном случае высокопоставленный религиозный деятель продвигал идею такфира (отступничества) – концепции, которую экстремисты используют для оправдания убийства братьев-мусульман.
89. С точки зрения борьбы с терроризмом проблема коррупции в судебной системе и злоупотреблений со стороны правоохранительных органов, включая пытки, не может рассматриваться лишь как нарушение передовой практики управления и прав человека. Интервью с ИБТ указывают на возможную причинно-следственную связь между этими злоупотреблениями и неудачной дерадикализацией, поэтому это должно рассматриваться как проблема государственной безопасности. Продолжающаяся коррупция и злоупотребления со стороны государственных субъектов подрывают инвестиции государства в борьбу с терроризмом и могут стать будущей мотивацией для внутренних антигосударственных террористических действий.

Пути радикализации, дерадикализации и реинтеграции

90. Согласно данным исследования, новости в СМИ вызвали изначальный интерес к Сирии у отдельных лиц, позже ставших ИБТ. Во многих случаях именно это привело к осознанию важности события в мусульманском мире, которое затем было переосмыслено в экстремистских нарративах как кризис. Последовавшая за этим критика ИГИЛ в средствах массовой информации оказалась, по большей части, неэффективной и не помогла убедить людей отказаться от вступления в ряды ИБТ. Однако, возможно, побудила отдельных лиц присоединиться к ДаИ, которая также критиковала ИГИЛ. Значимых случаев саморадикализации зарегистрировано не было, однако это не означает, что влияние интернета и социальных сетей на процесс радикализации оказалось незначительным. Исследование показывает, что радикализация и вербовка осуществляются посредством сложной связи между социальными сетями, материалами, распространяемыми в интернете, а также сетями вербовки и идеологической обработки в Кыргызстане, Турции, России, Украине и Южной Корее.
91. Образы изнасилования и убийства мусульманских женщин и детей, распространенные в социальных сетях, являлись наиболее действенным триггером. Ответственность за предполагаемые зверства зачастую возлагалась на шиитов; периодически звучали прямые призывы к «проявлению мужества». Возможность ведения вооруженной борьбы и проявление «героизма» также используются в качестве тем для привлечения внимания молодой мужской аудитории. Видеоролики размещались на YouTube и публиковались в российской социальной сети «Одноклассники». ИБТ, как правило, неохотно сообщали или избегали подробностей о своих контактах с вербовщиками из-за боязни изобличить других людей. Однако очевидно, что все они были завербованы либо членами семьи, либо знакомыми, которые в процессе общения навязывали определенные темы и просмотр видеороликов. В некоторых случаях рабочие-мигранты жили в общежитиях, являющихся центрами вербовки и идеологической обработки. «Арендная плата» за проживание в таких местах завышалась с целью сбора средств для террористических организаций.
92. Для ИБТ опыт пребывания в Сирии был, в основном, негативным. Утрата иллюзий, связанная с отсутствием религиозности в «стране шариата», жестокие бои и репрессивная атмосфера внутри группировок, где они состояли, а также отсутствие очевидной возможности помочь женщинам и детям, на защиту которых они отправились, стали причинами для разочарования. Эти причины также включали страх, вызванный кровопролитными сражениями, тоску по родным и друзьям. Почти все интервью могут эффективно использоваться для создания контрнарративов, повествующих о разнице между утопическим образом джихадистских группировок, таких как ИГИЛ, и их реальной сущностью. В то же время недостаточно свидетельств, указывающих на то, что кто-либо из них отказался от идеи политической системы на основе шариата или халифата. Главным образом это связано с тем, что теологические и прагматические изъяны этих концепций не раскрылись перед ними так же ярко, как недостатки людей, вовлеченных в проект «Исламского государства».

93. Основные причины, побудившие ИБТ вернуться на родину, включали заботу о семьях, особенно о матерях, а также разочарование в обстановке и поведении участников группировок, к которым они присоединились. В некоторых случаях их возвращению способствовало непосредственное содействие членов семьи. Другие ИБТ, оказавшись в больнице с ранениями, полученными во время боевых действий в Сирии, были обнаружены турецкими службами и принудительно депортированы. Независимо от мотивов отъезда, разочарование испытывали практически все возвращенцы. Нерелигиозные воззрения отдельных людей в их группировках, жестокая борьба между различными фракциями, политический и корыстный характер конфликта, который они наблюдали, полностью противоречили намеченной «благородной» цели защиты мусульман.
94. Хотя утрата иллюзий является преобладающим сильным фактором среди ИБТ, она, в основном, была связана с поведением внутри группировок, а не с идеей халифата или политической системы, основанной на шариате. Мало что в опыте ИБТ укрепило их приверженность нынешней светской демократической системе. Вполне вероятно, что со временем разочарование, которое могло бы послужить эффективным средством для дерадикализации, пройдет, уступив место идеализированной вымышленной версии событий. Это сделает их более уязвимыми к повторной радикализации или призывам к мобилизации, чем когда-либо, и, в редких случаях, даже может привести к одиночным терактам. Таким образом, «окно» для использования этой возможности, вероятно, закроется примерно в течение года, поскольку сами ИБТ указывают на то, что воспоминания о пребывании в Сирии уже заменяются более «позитивными».
95. Эффективное противодействие терроризму и экстремизму требует построения сотрудничества между государством и обществом, при этом правоохранительные органы и службы безопасности выступают в качестве объединяющего звена между ними. В настоящее время существует значительное недоверие к службам безопасности и правоохранительной системе, что означает, что семьи и друзья экстремистов или лица, уязвимые для экстремистов, не будут делиться информацией с государственными учреждениями. Эти отношения должны быть преобразованы в отношения взаимного доверия и взаимозависимости, чтобы избежать будущих «волн» ИБТ или актов терроризма в стране.
96. Возможность совершения ИБТ террористических актов по возвращении из Сирии подтверждается случаем неудачного плана по совершению теракта в России, рассказанным одним из опрошенных. Следующим является случай с группой, направленной для убийства главы мусульманской общины «Ахмадия» в Ошской области. Это, по-видимому, единственный случай, когда группа ДаИх была направлена на родину для выполнения задания по убийству. Хотя другие группы, связанные с ИГИЛ, совершали убийства во многих странах, это, возможно, первый случай, когда группа специалистов была обучена, оснащена и отправлена из Сирии для выполнения задания. Данный случай требует дополнительного анализа как со стороны государства, так и международного сообщества для извлечения уроков и оценки потенциальной угрозы ИБТ.
97. Необходимо решить три вопроса для того, чтобы максимально использовать возможности перехода от нынешнего статуса ИБТ – «выведение из

конфликта» – к «устойчивой дерадикализации», а также содействовать возобновлению их взаимодействия с гражданским обществом. Во-первых, практика содержания заключенных-экстремистов отдельно от обычных преступников является положительным шагом. Данную тенденцию необходимо продолжать: отдельно содержать осужденных за насильственные и ненасильственные формы экстремизма, чтобы эти группы не укрепляли потенциал друг друга. Во-вторых, в тюрьме необходимо предпринять меры, направленные на обеспечение занятости заключенных. Это могут быть мастерские, где заключенные будут зарабатывать деньги и обеспечивать финансирование тюремной системы. Занятые работой заключенные менее склонны к обдумыванию идеологических вопросов и того, как от утери иллюзий перейти к реализации некоего утопического проекта в будущем. Наконец, важно рассмотреть вопрос о религиозном воспитании в пенитенциарной системе. Хотя обращение заключенных к религии и установление связи с Богом может оказывать позитивное влияние, вполне вероятно, что многие из них будут продолжать обучать друг друга тому, как интерпретировать религиозно-нравственные учения в политическом ключе. Поэтому важно предоставить заключенным доступ к теологически обоснованным источникам информации, если они в этом нуждаются.

98. Важно подчеркнуть, что исследование не выявило доказательств дерадикализации большинства ИБТ. Напротив, были обнаружены признаки того, что тюремный опыт, скорее всего, сохраняет уязвимость радикализации. Поэтому они представляют потенциальный риск как для граждан страны, так и для государства. Необходимо завершить работу над формированием национальной программы дерадикализации и реинтеграции, направленной на устранение потенциальных рисков и угроз, создаваемых такими ИБТ, по мере их возвращения в общество. Любая подобная программа должна быть ориентирована на конкретного человека и ставить семью в центр внимания; предусматривать психологическую поддержку ИБТ и, при необходимости, их ближайших родственников. Эти программы также должны быть хотя бы частично направлены на решение экономических трудностей и вопросов трудоустройства в каждом конкретном случае, чтобы минимизировать вероятность возвращения к насильственному экстремизму.
99. Центральное место в любой новой политике, контрнарративе или программе дерадикализации должна занимать стратегия перенаправления эмоций. В политиках и программах зачастую упускается из виду роль эмоций, связанных с формированием внутригрупповых и внегрупповых связей. Привязанность к своей группе и ненависть к другим являются мощными эмоциональными факторами устойчивой приверженности индивида тому или иному делу. Данное исследование доказывает, что в террористических организациях не хватает объединяющей привязанности, что, в свою очередь, приводит к общему разочарованию их членов, массовому дезертирству боевиков и резкому снижению их влияния. Эту информацию необходимо широко распространять, чтобы раскрыть противоречия между тем, как экстремисты преподносят мусульманскую идентичность и как они вводят в заблуждение мусульман, искажая религиозные учения, не обеспечивая им безопасности и препятствуя в достижении успеха. Поэтому любая программа дерадикализации должна пытаться переопределить внутригрупповую и внегрупповую идентичность в сознании бывших ИБТ.

Программа также должна помочь переосмыслить предположительно кризисную среду, воздействующую на мусульман, или предложить им альтернативное решение. Действующие программы дерадикализации, по всей видимости, не принимают этот подход напрямую. По крайней мере, задача каждого контр- или альтернативного нарратива должна заключаться в перенаправлении таких эмоций, как любовь и ненависть, а также в обеспечении надежного альтернативного способа решения предполагаемых кризисов.

РЕКОМЕНДАЦИИ ■

100. Составлены следующие рекомендации:

Для государственных институтов:

- 100.1.** Государство должно рассмотреть вопрос создания рабочих мест в сельской местности, чтобы уменьшить миграционное давление, которое влияет на воспитание и образование молодежи (пп. 26-30)⁴.
- 100.2.** Столь необходимый пересмотр национальной системы образования должен включать внедрение превентивных мер путем развития навыков критического мышления, в частности, умения различать надежную и недостоверную информацию в интернете (п. 22).
- 100.3.** Следует рассмотреть вопрос о реформе государственных институтов, особенно секторов правосудия и охраны порядка, чтобы уменьшить воздействие дискриминации и коррупции на граждан (пп. 47, 49, 63 и 69).
- 100.4.** Правительство и медиа должны обратить внимание на то, что уязвимые лица могут интерпретировать новости о предполагаемых злодеяниях как кризис, а экстремисты могут использовать эту ситуацию для вербовки и радикализации. По мере возможности, необходимо сформулировать позитивные ответные меры на государственном уровне, чтобы свести к минимуму информационный вакуум, который может быть заполнен экстремистскими интерпретациями событий (п. 90).
- 100.5.** Выстраивание эффективного и доверительного сотрудничества между институтами гражданского общества, государственными службами безопасности и правовой системой.
- 100.6.** Влияние коррупции, особенно применение пыток в ходе расследований, в правоохранительной системе следует понимать и рассматривать как потенциальную угрозу безопасности, а не только как проблему в области прав человека (пп. 68, 71-72).
- 100.7.** Проведение обучающих семинаров и тренингов для сотрудников правоохранительных органов по современным эффективным подходам к проведению допросов, выявлению экстремистских сетей, противодействию насильственному экстремизму, а также в политике и процедурах профилактики.

100.8. Внедрение устойчивой политики дерадикализации и реинтеграции как неотъемлемой части стратегии по противодействию экстремизму и терроризму, с учетом подходов по формированию и реориентации внутри и внегрупповых связей и идентичностей (п. 99).

100.9. В данной стратегии принять во внимание результаты исследования, демонстрирующие роль семьи и социальных сетей и их влияние как на радикализацию, так и дерадикализацию, а также роль дружеских отношений в снижении уязвимости к радикализации (пп. 68, 75, 77).

100.10. Следует провести клиническую оценку травмы, пережитой ИБТ, и оказать им психологическую поддержку в период дерадикализации и реинтеграции в общество. При необходимости аналогичная поддержка также должна предоставляться семьям ИБТ (пп. 61-61).

100.11. Раздельное содержание осужденных за насильственные и ненасильственные формы экстремизма, чтобы избежать дальнейшей радикализации и развития сети. Кроме того, необходимо создать условия по обеспечению занятости и образования заключенных (пп. 73-76).

100.12. Правительству необходимо использовать сведения об очагах радикализации и связанных с ними идеологах, выявленных в ходе данного исследования, в качестве примера для изучения других сообществ страны с целью обнаружения аналогичных очагов, которые могут находиться в процессе формирования или развиваться в будущем (пп. 44-46, 87).

Для ПНЭ акторов:

100.13. Программы дерадикализации и реинтеграции должны быть индивидуальными, выделяющими адекватное время и ресурсы на оценку конкретных факторов уязвимости, мотивов и обстоятельств, которые привели к радикализации каждого ИБТ (пп. 81, 98).

100.14. Программы реабилитации должны обеспечивать безопасные и приемлемые альтернативные пути, удовлетворяющие мотивы, побудившие ИБТ отправиться в Сирию: например, желание помочь нуждающимся, чувство сопричастности, жажда приключений и т.д. (пп. 35-38).

100.15. Необходимо разработать и внедрить контрнарративы или альтернативные нарративы, направленные на переориентацию стремления ИБТ к позитивным изменениям. Нарративы могут использовать привлекательность семьи и ответственность перед ней, в частности, используя сильный образ матери (п. 77). Одной из распространенных мировых практик также является оценка опыта ИБТ посредством художественных образов.

100.16. СМИ должны критически оценивать политическую реакцию, но избегать влияния на общественные дебаты своей собственной позицией (п. 90).

⁴ Несмотря на некоторую очевидность и «банальность» рекомендации, проблемы, связанные с образованием, трудоустройством, и производные от них являются основными факторами, повышающими уязвимость к радикализации.

Для религиозных организаций:

- 100.17.** Религиозным лидерам и организациям рассмотреть возможность разработки нарративов, направленных на конструктивное решение проблем, связанных с социально-экономическими трудностями и коррупцией, как альтернативы предлагаемого экстремистами решения в «построении халифата» (п. 88).
- 100.18.** Религиозным лидерам и организациям стараться избегать в своей проповеднической деятельности распространения негатива в отношении других течений, вероотступничества и деления на «своих-чужих», которая все чаще используется для оправдания убийств собратьев-мусульман (п. 79).
- 100.19.** Официальные мусульманские лидеры должны стремиться к повышению своего авторитета среди различных направлений ислама в Кыргызстане. В частности, их следует рассматривать отдельно от политической системы страны, а сами лидеры должны признать свою религиозную ответственность за предотвращение фитны (раздора), активно работая над тем, чтобы прекратить заявления об отступничестве той или иной группы (п. 66).

Для международных организаций:

- 100.20.** Обратит внимание на методы, используемые террористическими организациями для вовлечения рабочих мигрантов в насильственные экстремистские группы, особенно в таких малоизученных странах, как Южная Корея (пп. 51-52, 86).
- 100.21.** Геополитическая составляющая сирийского конфликта требует изучения со стороны правительства и международного сообщества с целью привлечения государств и корпораций к ответственности за любую форму использования терроризма в своей внешней политике или в своих экономических интересах (пп. 34, 60).
- 100.22.** Необходимо провести дополнительное исследование по выявлению видеозаписей, которые, по утверждению заключенных, оказали на них влияние. Это поможет лучше понять пропагандистский характер таких видео, разработать методы противодействия, а также определить, имеются ли подтверждения гипотезы о том, что эти видео были частью скоординированной международной кампании по дезинформации (пункты 34, 39-41).

ПРИЛОЖЕНИЕ А. ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ ■

Концептуализация феномена иностранных боевиков-террористов

ИБТ – это старое явление, которое недавно было концептуализировано ввиду новых вызовов со стороны джихадистских группировок в Ираке и в связи с войнами в Сирии. В целом, ИБТ признаются те люди, которые «покинули родную страну и отправились в другие государства для участия в террористических актах или их поддержке, в том числе в контексте вооруженного конфликта» (ОБСЕ, 2018, с. 3) (OSCE, 2018, p.3). В Резолюции Совета Безопасности ООН 2178 (Совет Безопасности ООН, 2014) (UNSC, 2014) было дано определение, которое некоторые эксперты сочли широким. Женевская академия международного гуманитарного права и прав человека (2014) предложила более понятное и лаконичное определение, избегая слова «террорист» и используя вместо него термин «иностранный боевик». В литературе термин ИБТ получил развитие: встречаются такие понятия, как «иностранные боевики», «иностранные повстанцы» и «иностранные джихадисты»; иногда также применяются термины «транснациональные повстанцы» и «транснациональные боевики» (Салехян, 2006) (Salehyan, 2006) или «транснациональные сообщества» и «транснациональные джихадисты» (Малет, 2013) (Malet, 2013).

Понятие «иностранный боевик» также может означать иностранное лицо, которое поддерживает конфликт, не являясь активным членом соответствующей группировки. К примеру, Перлигер и Мильтон (2016) для категоризации применяют различные характеристики (с. 4), включая такие, как гражданская война или насилие, имеющие «националистический характер» или «ограниченные определенной территорией». Другие ученые (Силлуффо, Коззенс и Рансторп, 2010) (Cilluffo, Cozzens, & Ranstorp, 2010) отождествляют понятие ИБТ с западными иностранными боевиками, поскольку оба термина «обозначают воинствующих экстремистов, покидающих западные государства, в которых они проживают, с намерением пройти боевую подготовку или взять в руки оружие, чтобы выступить против немусульманских группировок в зонах джихадистских конфликтов» (с.3). Аналогичным образом Хегхаммер (2013) Hegghammer (2013) отмечает, что «иностранный боец – это человек, который покидает или пытается покинуть западную страну, чтобы сражаться в других частях мира» (с. 1), что связывает этот термин с западным гражданством. Джихадистские организации предпочитают вербовать новобранцев с Запада, потому что в этом случае их послание с большей вероятностью будет услышано в западных СМИ и потому что «иностранные боевики привлекают большее внимание, чем представители коренных народов... что служит глобализации местных конфликтов и продвижению джихадистского нарратива» (Силлуффо и др., 2010, с.2) (Cilluffo et al., 2010, p.2). Однако общие характеристики, как правило, заключаются в вербовке негосударственными организациями и отсутствии принадлежности к регулярным вооруженным силам того или иного государства, а не в наличии западного гражданства.

Поэтому национальные и международные организации, в целом, разрабатывают определения для правовых актов, призванных смягчить предполагаемую

угрозу, исходящую от этих лиц. Определения также разрабатываются учеными для обозначения соответствующих лиц в рамках исследований. Определения опираются на самобытность индивидуума как с точки зрения страны происхождения, так и страны назначения. Далее ученые объясняют мотивы этих людей и потенциальные роли в той или иной конфликтной ситуации. Поскольку данное исследование основано на предварительно отобранной группе лиц, осужденных в соответствии с законами, связанными с ИБТ, и поскольку некоторые лица настаивают на своей невиновности, будет использовано упрощенное, но более конкретное определение. Для целей настоящего исследования ИБТ – это гражданин Кыргызстана, который, как полагают, пытался выехать в Сирию с целью поддержки террористического движения или присоединения к нему.

Мотивация и радикализация

Как отмечает Мур (2015) (2015), представленная в литературе категоризация «иностранных бойцов зачастую используется в общем и универсальном виде, что порой делает сложную природу активизма еще более туманной для понимания». Такое противоречие между выделением общего для разработки определений и раскрытием сложных моментов посредством анализа само по себе представляет всеобщую проблему социологии. Сложность понимания, на которую он указывает, можно снизить за счет изучения таких концепций и идей, как жизненный цикл «иностранных боевиков», мобилизация, активизм и выведение из конфликта, а также за счет того, как все это помогает выявлять социальные факторы, например, кровное родство или «воображаемое родство». Классификация ООН отделяет понятие ИБТ от наемных солдат и служащих частных военных компаний, так как обычно их вербуют государственные органы либо они воюют за счет финансовых стимулов (Совет Безопасности ООН, 2015) (UNSC, 2015).

Количество ИБТ, направляющихся в Сирию и Ирак по разным мотивам, несмотря на отсутствие материальных стимулов, вызвало международную озабоченность (ОБСЕ, 2018) (OSCE, 2018). В обеих странах действуют различные джихадистские группировки, которые вербуют иностранных боевиков со всех континентов. К ним относятся самопровозглашенное «Исламское государство» и «Джебхат ан-Нусра». Другие группировки включают «Свободную сирийскую армию, курдские группировки, а также группы и ополченцев, воюющих на стороне режима Асада». Эти группировки «также привлекали иностранных боевиков, в первую очередь, шиитов из Ливана, Ирака, Ирана и Афганистана» (Баккер и Синглтон, 2016, с.10) (Bakker & Singleton, 2016, p.10), включая отдельных лиц из стран Запада, в основном, в поддержку курдских группировок.

Методологическая и теоретическая перспективы

Научная литература по теме ИБТ в контексте конфликта в Сирии и Ираке все еще находится на ранней стадии разработки, поскольку получение информации из первичных источников остается сложной задачей в силу необходимости обеспечения безопасности, выделения времени и ресурсов, предоставления доступа, наличия интервьюируемых и т. д. На Западе исследования проводятся в основном с использованием двух методов: на основе интервью и сбора

данных из официальных источников (разведка на основе открытых источников) или информации, предоставленной журналистами. Исследования, проведенные Венхаусом (2010), Насритдиновым и др. (2019), а также Штерном (2010) (Venhaus, 2010, Nasritdinov et al., 2019, Stern (2010)), основаны на интервью и принимаются в качестве первичного источника. Густафссон и Рансторп (2017), Паулюссен и др. (2017), Мур (2015) и Нильссон (2015) (Gustafsson and Ranstorp, 2017, Paulussen et al., 2017, Moore, 2015, Nilsson, 2015) использовали вторичные источники, основанные на наборе открытых данных, которые фокусируются на перемещениях отдельных лиц в течение определенного периода времени или других переменных, объясняющих тенденцию к участию в насильственном экстремизме среди отдельных лиц. Большинство исследований, опирающихся на информацию из первоисточников, основаны на небольшой выборке и имеют ограничения из-за:

- трудностей привлечения участников исследования из зоны конфликта (особенно когда речь идет об ИГ);
- ограничений, налагаемых текущими уголовными расследованиями и нормами, регулирующими конфиденциальность;
- недоступности участников-возвращенцев для проведения интервью, которая, в частности, обусловлена страхом самоизобличения (Шеррер, Исакссон, Рагацци и Уолмсли, 2018) (Scherrer, Isaksson, Ragazzi, & Walmsley, 2018).

Интернет стал ключевым инструментом компенсации трудностей, связанных с опросом ИБТ. Однако в рамках данного исследования удалось получить прямой доступ к бывшим ИБТ, поэтому оно основывается на интервью. Общепринятой методологии проведения интервью с ИБТ не существует. Руководство ЮНОДК (2018) (UNODC, 2018) рекомендует проводить интервью либо после ареста, либо при достижении приемлемого риска раскрытия субъекту информации в сравнении с выгодой от проведения интервью. Тем не менее, как отмечает Силке (2003) (Silke, 2003), на момент обращения к насильственному экстремизму прямые контакты и опыт общения с террористами, по-видимому, обеспечивают реальные результаты, что важно для понимания психологической мотивации боевиков и их психического здоровья. Таким образом, исследование, основанное на интервью, признается более точным и должно соответствовать внутригосударственным правовым нормам проведения интервью (ЮНОДК, 2018, с. 57) (UNODC, 2018, p. 57). Главное препятствие при получении информации в ходе интервью с бывшими ИБТ – это их нежелание говорить и отвечать правдиво. В ходе исследования (Элисон, Элисон, Ноун, Элнтиб и Кристиансен, 2013) (Alison, Alison, Noone, Elntib, & Christiansen, 2013) были разработаны методы проведения интервью с террористами, направленные на минимизацию этих трудностей. Методология данного исследования основывается на таких подходах.

Жизненный цикл ИБТ и «притягивающие и подталкивающие» факторы

Для понимания феномена ИБТ необходимо понимание концепций радикализации, насильственного экстремизма, терроризма, а также притягивающих и подталкивающих факторов, которые помогают объяснить, как индивид может

вступить в ряды воинствующих экстремистов или стать террористом. Общий жизненный цикл можно рассматривать в три этапа: радикализация и вступление в ряды экстремистов; мобилизация и связанные с ней теории, объясняющие мотивы; дерадикализация, возвращение индивида в общество и его реинтеграция. Этот подход тесно связан с трехэтапной моделью процесса Хоргана (2008): вовлечение, участие и выведение из конфликта.

Этап I: радикализация, ведущая к насильственному экстремизму

В литературе (научных работах и государственных документах) нет общепризнанного определения радикализации и радикализации, ведущей к насильственному экстремизму. Однако принято считать, что радикализация «не обязательно может привести к насилию, но является одним из нескольких факторов риска, ведущих к этому» (Дж. Г. Хорган, 2009, с. 52) (J. G. Horgan, 2009, p. 52). Седжвик (2010) (Sedgwick, 2010) приходит к выводу, что этот термин можно определить в трех областях: в контексте безопасности, в контексте интеграции и в контексте внешней политики. Сочетание радикализации с насильственным экстремизмом (Борум, 2011; Одорфер, 2015) (Borum, 2011a; Odorfer, 2015) было переосмыслено после терактов 11 сентября. Согласно Одорферу (Odorfer, 2015), до этих событий дискурс радикализации применялся к либеральным, антиклерикальным и продемократическим прогрессивным политическим взглядам. После терактов появилась тенденция к применению этого понятия в противоположном направлении – к антилиберальным, фундаменталистским, антидемократическим и регрессивным взглядам, при этом радикализацию все больше стали связывать с насильственным экстремизмом. Борум (2011) (Borum, 2011a) также связывает радикализацию с насильственным экстремизмом и определяет «радикализацию, ведущую к насильственному экстремизму» как «процессы, приводящие людей к убеждениям, которые не только оправдывают насилие, но и принуждают к нему, а также то, как у людей происходит переход от мыслей к действию, если он происходит» (с. 8). Дж. Г. Хорган (2009) J. G. Horgan (2009) изучает радикализацию с насилием и описывает «насильственный экстремизм» как усиленную и целенаправленную радикализацию путем вовлечения в воинствующее негосударственное движение. Он определяет этапы радикализации, ведущей к насилию (с. 152), следующим образом: вовлечение в террористическую группировку, причастность к ней и участие в террористической деятельности.

Согласно Али и Стригеру (2012) (Aly and Striegher, 2012), «отсутствие концептуального различия между радикальными ценностями и насильственными действиями привело к формированию подхода, который определяет некоторые слои мусульманских сообществ (особенно молодых мусульман мужского пола) как уязвимые для радикализации и пытается устранить эту уязвимость с помощью целевых программ» (с. 850). Например, после взрыва в Мадриде 11 марта 2004 года; как и в докладах Европейской комиссии за 2005 г. (ЕК, 2005) (Commission, 2005) и 2008 г. (Алонсо и др., 2008) (Alonso et al., 2008), в ЕС использовали термин «радикализация» вместе с «насилием» и вывели новый термин «насильственная радикализация», означающий принятие мнений, взглядов и идей, которые могут привести к террористическим актам.

На основе анализа многочисленных группировок воинствующих экстремистов с различной идеологией Борум (2011) (Borum, 2011b) предпринял попытку выявить общие факторы радикализации или то, как уязвимость трансформируется в ненависть. Он моделирует процесс, включающий четыре этапа: недоволь-

ство, связанное с неудовлетворенностью (это неправильно); чувство несправедливости (это нечестно); обвинение определенной политики или человека в нечестности (это ваша вина) и обесценивание человека (вы – зло). Два основных подхода, связанных с радикализацией, – психологический контекст и контекст социального движения, считаются значимыми для более глубокого понимания проблемы насильственного экстремизма.

Психологический контекст

Психологические исследования, как правило, изучают два взаимосвязанных, но различных аспекта личности людей, вовлеченных в насильственный экстремизм и терроризм: мотивирующие факторы и степень нормальности личности. В рамках общего подхода радикализированных людей характеризует отсутствие сочувствия и фанатичное, психопатическое расстройство, при котором человек наслаждается страданиями и пытками невинных жертв. В некоторых исследованиях экстремизм трактуется как «следствие мотивационного дисбаланса: склонность индивидов отдавать предпочтение одной потребности в ущерб другим» (Круглански и др., 2018, с. 108) (Kruglanski et al., 2018, p.108). В течение многих лет психологи, особенно ученые 1970-х годов, считали, что радикализированные люди и экстремисты психически больны и, скорее всего, страдают от расстройств личности антисоциального характера, проистекающих из трудного детства (Силке, 2003) (Silke, 2003). Их исследования были основаны на ограниченных выборках, при этом идея о том, что маргинализированные террористы являются девиантами, не подтверждается научными исследованиями последних десятилетий (Силке, 2003) (Silke, 2003), а «доказательства нормальности по различным причинам и в силу определенных событий в контексте альтернативных объяснений аномального поведения» (Дж. Г. Хорган, 2003, с.16) (J. Horgan, 2003, p.16) в последнее время получили преобладающее значение.

Дж. Г. Хорган (2008) J. Horgan (2008)(с. 84-85) предлагает шесть первопричин радикализации, ведущей к терроризму. Эти факторы обеспечивают основу для обозначения «открытости к социализации, ведущей к терроризму»:

- 1.1. Некая эмоциональная уязвимость, выражающаяся в чувствах гнева, отчуждения и бесправия.
- 1.2. Неудовлетворенность текущими событиями, будь то политический или социальный протест, и восприятие того, что обычная деятельность не приносит результатов.
- 1.3. Отождествление с жертвами: реальное, с точки зрения виктимизации (например, со стороны военных или полиции), либо мнимое.
- 1.4. Вера в то, что участие в актах насилия, направленных против государства или его символов, не является аморальным. Это убеждение находится на точке вовлечения в террористическую деятельность.
- 1.5. Чувство поощрения за счет «участия в этом движении». У террористов-смертников по всему миру есть одна общая черта. Они верят, что после смерти достигнут «большего», чем когда-либо могли достичь при жизни, например, станут героями.
- 1.6. Наконец, решающее значение имеет родство или другие социальные связи с теми, кто испытывает подобные проблемы или уже вовлечен в них.

С другой стороны, Круглански и др. (2018) (Kruglanski et al. (2018), используя «Теорию поиска значимости», утверждают, что радикализация, ведущая к насильственному экстремизму, включает три основных компонента: потребность, нарратив и сеть. Первый компонент – «потребность», отличается от основных жизненных потребностей и относится к желанию обрести уважение, компетентность, авторитет и т. д., например, «когда люди испытывают утрату значимости или даже угрозу такой утраты, они стремятся найти способы восстановить ее» (с. 109). Второй компонент – «нарратив», означает, что «в контексте политического экстремизма идеологический нарратив выполняет эту функцию, описывая коллективную причину, которая позволяет индивиду обрести желаемую значимость» (с. 109). Следовательно, нарратив может оправдывать насилие. Третий компонент – «сеть», означает группу людей (единомышленников), которые собираются в рамках одного нарратива и разделяют общие нормы. Это способствует радикализации индивида двумя способами: «а) контакт с такой сетью делает насилие, оправдываемое нарративом, когнитивно доступным для человека, б) поддержка нарратива со стороны сети подтверждает его и служит доказательством его правдивости и обоснованности» (с. 110).

Однако в противовес Силке (2003), Хоргану (2003; 2008), а также Круглански и др. (2018) (Kruglanski et al. (2018), Паулуссен и др. (2017) Paulussen et al. (2017) в своих исследованиях утверждают, что некоторые из радикализированных ИБТ действительно страдают психическими заболеваниями. В качестве аргумента они приводят данные психиатров из Нидерландов, которые сравнили 300 полицейских отчетов о джихадистах со своими медицинскими записями и пришли к выводу, «что 60% подозреваемых радикалов-джихадистов действительно имели проблемы с психическим здоровьем, которые, как поясняется, варьируются от психосоциальных до психических расстройств» (с. 7). Другая общая точка зрения джихадистов, согласно данному исследованию, заключается в том, что у многих из них не было отца, либо отцы жестоко обращались с ними. Кроме того, «некоторые радикализированные джихадисты отмечали такие характеристики, как низкая самооценка, потребность в самовозвеличении, аномально высокий уровень агрессии и отсутствие совести» (с. 12-13). Касательно факторов риска в исследовании указывается, что возможные причины «психотических расстройств или психотических переживаний заключаются в следующем: принадлежность к этническому меньшинству, воспитание в городских условиях, низкий уровень IQ, детская травма и злоупотребление психоактивными веществами» (с. 13).

Очевидное противоречие между результатами исследований, несмотря на их достоверность в иных случаях, требует решения. Вполне вероятно, что психологическое состояние террористов, которые находятся на важных руководящих должностях, отличается от состояния рядовых боевиков. Исследования радикализации в Пакистане показывают, что в случае сложных миссий, например, при подготовке бомбистов-смертников, лидеры террористов предпочитают подвергать идеологической обработке молодых людей с особыми психологическими потребностями и мировоззрением. С учетом роста числа радикализированных людей в последние годы, весьма вероятно, что радикальные лидеры и идеологи начали фокусировать усилия на поиске и вербовке людей с психологической уязвимостью.

Исследование также подразделяет воинствующих экстремистов на четыре типа: искатели идентичности; искатели справедливости; искатели значимости; искатели ощущений. До исследования Паулуссена и др. (2017) (Paulussen et al.

(2017), отражающего потенциальные психологические причины участия джихадистов в экстремистских группировках, Венхаус (2010) (Venhaus (2010) также пришел к более полному, но схожему выводу путем выявления мотивов и мировоззрения каждого интервьюируемого. Для выяснения причин, побуждающих молодых людей к насильственному экстремизму, были проведены интервью с 2032 иностранными боевиками, чтобы узнать историю каждого из них. Исследование выделяет четыре типа искателей: искатели мести (ищущие способы дать выход своему разочарованию), искатели статуса (ищущие признания), искатели идентичности (ищущие свое место в мире) и искатели острых ощущений (ищущие приключений). Таким образом, он приходит к выводу, что вместо маргинализации мусульманского общества на Западе важно создавать коммуникативные решения для удовлетворения этих потребностей, поскольку «поиск идентичности» является общим пунктом в обоих исследованиях, требующим дополнительного внимания к причинам, по которым радикализированные люди из мусульманского сообщества испытывают маргинализацию на основе идентичности.

Этап II: первопричины радикализации, ведущей к насильственному экстремизму

Группы террористов неоднородны. Притягивающие и подталкивающие факторы, побуждающие индивидов присоединиться к ним, представляют различные мотивы. В докладе ООН «План действий по предупреждению насильственного экстремизма» (2015), основанном на качественном исследовании с проведением интервью, эти факторы описываются следующим образом:

- подталкивающие факторы – «условия, приводящие к воинствующему экстремизму, и структурный контекст, из которого он возникает» (с. 7). Эти факторы связаны с плохим управлением, слабыми государственными институтами и нехваткой ресурсов;
- притягивающие факторы – «индивидуальные мотивы и процессы, которые играют ключевую роль в трансформации идей и недовольства в воинствующие экстремистские действия» (с. 7). Эти факторы направлены на выявление личностного контекста и таких предрасположенностей, как «рудиментарный уровень грамотности и почти полное отсутствие религиозных знаний» (с. 9). Предполагается, что такие факторы делают индивидов уязвимыми к идеологической обработке и воздействию идей насильственного экстремизма.

Подталкивающие факторы сгруппированы с учетом контекстуальных условий и структурных первопричин терроризма, которые толкают людей к насилию. Они включают такие факторы, как государственные репрессии, относительное ухудшение положения, бедность и несправедливость. Подталкивающие факторы становятся первопричинами притягивающих факторов, которые охватывают аспекты привлекательности экстремистских группировок и их образа жизни для некоторых людей. Например, к ним относятся идеология, групповая принадлежность, групповые механизмы и другие стимулы (Вергани и др., 2018) (Vergani et al., 2018). Эти факторы и личностные факторы взаимосвязаны.

Подходы, изучающие материальную мотивацию, пытаются выявить причины, которые побуждают людей вступать в группировки воинствующих экстремистов, через корреляцию между человеческим и материальным капиталом. Теоретики, применяющие эти подходы, считают, что бедность связана с проти-

возаконной деятельностью. Например Вергани и др. (2018) (Vergani et al., 2018) утверждают, что в ходе анализа 116 статей, посвященных притягивающим и подталкивающим факторам, выяснилось, что «бедность» определяется как один из самых важных подталкивающих факторов радикализации, ведущей к насильственному экстремизму. Это было особенно четко видно в статьях, «которые рассматривают проблему радикализации в Африке» (с. 9). Вторым важным фактором была определена безработица, поскольку она может привести к «фрустрации, которая вызывает гнев у человека», а также к «большему количеству свободного времени и доступности для вербовки в ряды воинствующих экстремистов» (с. 9). Образование также часто упоминается как притягивающий фактор. По всей видимости, это весьма спорный фактор, так как, согласно Вергани и др. (2018) (Vergani et al., 2018), люди с более низким уровнем образования ассоциируются с менее сложным, более бинарным мировоззрением, в то время как большинство цитируемых исследований находят положительную корреляцию между наличием образования и радикализацией.

Примером может служить исследование Джелила и др. (2018) (Jelil et al., 2018), основанное на микроэмпирических данных, содержащихся в досье 3965 иностранных рекрутов ИГИЛ. Личные дела, которые попали в руки журналистов Sky News (2016), CNN (2016), Zaman Al Wasl (2016), включали возраст новобранцев, наличие образования, страну проживания и их собственную оценку уровня знаний об исламе. Результаты исследования показывают, что более высокий уровень безработицы является подталкивающим фактором радикализации, особенно в странах на границе с Сирией. Это позволяет предположить, что внутренняя социально-экономическая политика может оказать влияние на глобальную безопасность. Другое открытие противоречит результатам исследования Вергани и др. (2018) (Vergani et al., 2018). Уровень образования новобранцев оказался выше среднего для мужчин в стране их происхождения. Кроме того, более высокий уровень светского образования связан с более низким уровнем религиозных знаний.

Крюгер и Малечкова (2003) (Krueger and Malečková, 2003), Бенмелех и Клор (2018) (Benmelech and Klor, 2018) утверждают, что существует отрицательная корреляция между наличием материальных ресурсов у новобранцев и тенденцией к вступлению в группировки воинствующих экстремистов. Методология, которую они использовали, основана на ситуационном исследовании, включающем обсуждение, обзор литературы и факты преступлений на почве ненависти. По мнению Крюгера и Малечковой (2003) (Krueger and Malečková, 2003), члены воинствующего крыла «Хезболлы», или палестинские террористы-смертники, с наименьшей вероятностью могут происходить из экономически благополучных семей и имеют относительно высокий уровень образования. Они пришли к выводу, что участие в политическом насилии не зависит от наличия материального благополучия и образования, а иногда даже может следовать из них. То есть образованные люди из благополучных семей с равной вероятностью могут участвовать в политических акциях, включая терроризм, являющийся формой политики.

Другой традиционный подход заключается в изучении идеологических факторов. Бенмелех и Клор (Benmelech and Klor, 2018) не смогли однозначно определить, почему люди присоединяются к ИГИЛ, но пришли к выводу, что причиной служат не экономические или политические, а идеологические факторы, усугубляемые трудностью ассимиляции в гомогенные западные культуры. Идеология и идентичность играют решающую роль в стремлении индивида при-

соединиться к террористической группе. Если человеку с раннего детства внушают радикальные идеологические принципы, в том числе и внутри семьи, это может со временем стать катализатором, побуждающим его присоединиться к террористам. Анализируя биографии 240 саудовских боевиков, Т. Хеггхаммер (Hegghammer, 2006) установил, что «хотя безработица, вероятно, играла определенную роль, процессы радикализации в Саудовской Аравии характеризовались приоритетом политики и идеологии над социально-экономическими факторами» (с.53). Идеологическая мотивация происходит из эмоциональной связи с определенным набором норм и практик и позволяет индивиду соотносить свой личный опыт с целями и идеологическими принципами группы (Перлигер и Милтон, 2016) (Perliger & Milton, 2016). Однако Штерн (Stern, 2010), посещавшая реабилитационные центры для вернувшихся ИБТ, отмечает, что основная мотивация часто возникает в ответ на реальную или воображаемую несправедливость, которая нуждается в устранении, «хотя идеология редко является единственным или самым важным фактором, побуждающим индивида присоединиться к группировке» (с. 98). Описанные разные взгляды на проблему можно частично объяснить различными определениями идеологии, которых придерживаются соответствующие исследователи.

Существуют некоторые нетрадиционные объяснения подталкивающих и притягивающих факторов. Например, Паулуссен и др. (Paulussen et al., 2017) в исследовании, посвященном голландским ИБТ, основное внимание уделили персональным факторам, связанным с жизнью в Голландии. Они утверждали, что «отъезд из Нидерландов с целью присоединения к джихадистским движениям следует понимать, скорее, как попытку убежать от своих проблем дома, которые выступали в качестве подталкивающих факторов, а не вовлечение в конфликт некими притягивающими факторами» (с. 8). Мур (Moore, 2015), исследуя мотивы вступления боевиков с Кавказа в террористические группировки, отметил, что участие во внешних конфликтах – это многогранное и динамичное явление, основанное на использовании социальных сетей, а «активизм порождает новые формы воображаемого родства» (с. 411). Аналогичным образом, Нилссон (Nilsson, 2015) обнаружил, что социализация с международными джихадистами является одним из инструментов, используемых террористическими группами для вербовки иностранных боевиков в Швеции. Кроме того, Нилссон, Густафссон и Рансторп (Gustafsson and Ranstorp, 2017) изучили набор персональных признаков иностранных боевиков, уехавших из Швеции, чтобы присоединиться к джихадистским террористическим группам в Сирии и Ираке в период с июня 2012 года по сентябрь 2016 года. Они утверждают, что все эти 267 человек, которые являются или были гражданами Швеции, обладают разными психосоциальными профилями. Тем не менее, причины и мотивы вступления в ИГ иностранных боевиков из Европы оказались множественными и сложными, и успешная вербовка была обусловлена не только личными обстоятельствами, но и взаимопересекающимися специфическими местными социальными контекстами, такими как психосоциальные, политические, религиозно-идеологические проблемы и проблемы идентичности. Все они могут создавать множество комбинаций и последовательностей притягивающих и подталкивающих факторов.

Силке (Silke, 2003) указывает на еще один момент, утверждая, что «воздействие оказывает именно совокупность ряда притягивающих и подталкивающих факторов, и эти факторы будут варьироваться в зависимости от культуры, соци-

ального контекста, террористической группы и личности вступившего в нее человека» (с. 34). По его словам, существует шесть взаимосвязанных факторов, которые побуждают человека стать террористом:

- **биологические факторы**, в основном, наблюдаются у молодых мужчин, которые с энтузиазмом присоединяются к девиантной деятельности, чтобы удовлетворить свою импульсивную натуру и обрести уверенность;
- **личная награда и статус** выступают мотивами для тех, кто не рассматривает организацию как террористические, а воспринимает их как «борцов за свободу», «повстанцев», «сопротивление» и т. д.);
- **принудительная вербовка и мобилизация** как факторы отражают, каким образом террористические группы побуждают людей вступать в их сообщество. Здесь выделяются два подхода: один с пассивным, а другой с крайне активным выявлением потенциальных рекрутов, которых привлекают вознаграждением и описанием преимуществ присоединения к группировке;
- **социальная идентификация и маргинализация**, которые можно охарактеризовать как проблемы принадлежности. Человеку бывает необходимо поделиться с кем-нибудь своими обидами, целями и амбициями. Если члены террористической группы имеют сходное с этим человеком происхождение и этнические мотивы, это может привести к успешной вербовке. Таким образом, маргинализация в собственном обществе может подтолкнуть отдельных людей к вступлению в террористические группы;
- **психология мести**: *желание отомстить давно признано ключевым мотивом вступления в террористическую организацию. Люди с подобными мотивами считают необходимым исправить воображаемую несправедливость или предотвратить подобное в будущем, а также восстановить свою самооценку;*
- **возможность** – этот фактор часто упускается из виду. Добровольно вступить в террористическую организацию может быть весьма трудно, поскольку это, как правило, незаконно, а группировки крайне подозрительно относятся к желающим присоединиться, считая их агентами спецслужб. Отсутствие подобной возможности может объяснить, почему многие радикалы не переходят к насильственным действиям, а также почему некоторые из них становятся так называемыми «одиночками волками».

Таким образом, радикализацию можно понять посредством исследований и теорий, применяемых к различным контекстам, включая психологический, политический, социальный и материальный. Все это дает нам различные точки зрения, некоторые из которых кажутся противоречивыми. В совокупности они и расширяют, и усложняют понимание проблемы. До сих пор не найден способ преодолеть разнородность и противоречивость результатов исследований, связанных, например, с образованием, бедностью и другими материальными факторами. Данная работа призвана внести вклад в изучение проблемы путем рассмотрения определенных факторов в контексте данных, собранных в Кыргызстане.

Этап III: дерадикализация, выведение из конфликта и реинтеграция

Концепция жизненного цикла ИБТ основана на анализе трех вопросов: как потенциальные иностранные боевики радикализируются перед вступлением в террористическую группу; как и почему ИБТ покидают группу и возвращаются домой; как реинтегрировать и реабилитировать бывших ИБТ. В данном исследовании рассматривается, главным образом, первый из этих этапов и, по мере возможности, даются комментарии ко второму. К третьему этапу прилагается лишь информация вспомогательного характера. Успех дерадикализации, выведения из конфликта и реинтеграции зависит от понимания процесса радикализации, что является основной целью данного исследования.

Дерадикализация и выведение из конфликта

Дерадикализация и выведение из конфликта часто используются учеными как взаимозаменяемые понятия (Рабаса, Петтиджон, Гез и Боучек, 2010; Клаттербак, 2015) (Rabasa, Pettyjohn, Ghez, & Boucek, 2010; Clutterbuck, 2015). В то время как дерадикализация – это «процесс изменения системы убеждений индивида, отказа от экстремистской идеологии и принятия общих ценностей» (Рабаса и др., 2010, с. 1) (Rabasa et al., 2010; p. 1), выведение из конфликта обычно понимается только как прекращение насильственных действий. Термин «дерадикализация» также подразумевает методы, используемые для подрыва процесса радикализации. Следовательно, дерадикализация может происходить как до полной радикализации индивида, так и после его выведения из конфликта. Выведение из конфликта – это процесс, при помощи которого изменяется модель поведения индивида путем выхода из радикальной организации.

Программы дерадикализации «должны быть адаптивными и индивидуальными» (Бертрам, 2015, с. 126) (Bertram, 2015, p. 126), и для их эффективности необходимо учитывать не только идеологические и психологические факторы, но и «их взаимное влияние» (Дечесн и Де Рун, 2013, с. 90) (Dechesne & De Roop, 2013, p. 90, p.90). Кроме того, при формировании политики дерадикализации следует учитывать социальные факторы, чтобы предотвратить повторное возникновение условий и мотивов, послуживших главными причинами радикализации. Например, важно решить проблему безработицы или депривации. Частью стратегии правительства может стать создание центров реабилитации, профессиональной подготовки и консультирования по вопросам трудоустройства. Они так же важны, как и религиозное перевоспитание (Штерн, 2010) (Stern, 2010), которое, в основном, ведется в мусульманских странах, таких как Йемен. Результаты этого исследования, как мы надеемся, будут способствовать формированию и улучшению будущих мероприятий по дерадикализации в Кыргызстане.

Мировоззрение экстремистов

Хотя ИБТ могут иметь разное мировоззрение и придерживаться различных идеологий, все они являются экстремистскими, и поэтому у них есть некоторые общие компоненты. В их число входят концепции ингрупп (внутригрупповой) и аутгрупп (внегрупповой) идентичности, а также идея кризисной среды, часто представляющей собой экзистенциальную угрозу для ингруппы или ее интересов (Бергер, 2018) (Berger, 2018). Эти элементы являются важной частью нарративов, используемых при вербовке и радикализации потенциальных кандидатов. Они формируют идеологическое видение, через призму которого ИБТ воспринимает конфликт, и определяют, в какой степени ИБТ получает

удовлетворение от борьбы и принадлежности к общему делу и группе. Они также определяют, как ИБТ воспринимает кризис и врага. Восприятие всех этих вещей формируется на основе эмоций привязанности и ненависти (Брюер, 1999) (Brewer, 1999). Из этого следует, что для изменения представлений о том, кто входит в интруппу, а кто – в аутгруппу, требуется фундаментальная переориентация эмоциональных реакций. Стратегии дерадикализации и реинтеграции, как правило, игнорируют этот фундаментальный подход, основанный на эмоциях.

Насильственный экстремизм в Центральной Азии

Большинство существующих исследований проблемы ИБТ фокусируется на том, как жители западных стран радикализируются и воюют в чужих странах. Следовательно, участие в террористических группировках и мотивы граждан восточных, в особенности, центральноазиатских стран, отодвигаются на второй план. В Центральной Азии и Содружестве Независимых Государств (СНГ) слово «экстремизм» используется в секьюритизированном контексте, и зачастую это понятие приравнивается к терроризму. Многие правительства в регионе рассматривают терроризм как потенциальный вызов государству, который может дестабилизировать их политическую систему. Определения экстремизма и терроризма формируются внутренней повесткой. Лейн (Lain, 2016) обобщает различные определения насильственного экстремизма и терроризма в странах Центральной Азии (с. 387) следующим образом:

- a. Законодательство Казахстана определяет терроризм как «идеологию насилия и практику воздействия на принятие решения государственными органами, органами местного самоуправления или международными организациями путем совершения либо угрозы совершения насильственных и (или) иных преступных действий».
- b. Закон Туркменистана осуждает любые действия, проводимые «с целью захвата власти и насильственного изменения конституционного строя страны». Он также добавляет к определению слова «создание обстановки хаоса или оказание воздействия на принятие органами власти решений».
- c. В Таджикистане самое длинное определение. В нем осуждается применение или угроза применения насилия, «совершаемые с целью подрыва общественной безопасности, запугивания населения или оказания влияния на принятие решений действующей властью». Оно также включает любое покушение на жизнь государственного или общественного деятеля с целью «ослабления основ конституционного строя и государственной безопасности».
- d. Кыргызстан определяет терроризм как действие или угрозу действия, которое может привести к гибели людей или материальному ущербу, совершаемые «с целью устрашения населения, нарушения общественной безопасности или оказания воздействия на принятие решений органами власти».
- e. Узбекистан под терроризмом понимает насилие, угрозу его применения или иные преступные деяния, создающие опасность жизни, здоровью личности, уничтожения (повреждения) имущества и других

материальных объектов и направленные на понуждение государства, международной организации, физического или юридического лица совершить или воздержаться от совершения каких-либо действий, осложнение международных отношений, нарушение суверенитета, территориальной целостности, подрыв безопасности государства, провокацию вооруженных конфликтов, устрашение населения, дестабилизацию общественно-политической обстановки, для достижения политических, религиозных, идеологических и иных целей, ответственность за которые предусмотрена Уголовным кодексом Республики Узбекистан.

За исключением Узбекистана, определения и законы о борьбе с терроризмом не имеют тенденции подчеркивать религиозный контекст. Помимо правовых санкций, контрмеры основываются на государственной политике и сценариях привлечения гражданского общества, в которых источниками данных для разработки научно обоснованной политики в области ПНЭ считаются как тематические исследования, так и реальные ситуации. Взаимодействие гражданского общества с властями является основным подходом к поиску решений. Таким образом, руководящие принципы и руководства по ПНЭ публикуются с участием всех сторон. Среди стран Центральной Азии Узбекистан выделяется тем, что использует стратегии поиска решений, основанные на координации действий правительства и гражданского общества. Молодые люди, осужденные за преступления, помещаются под надзор местной махалли (жителей квартала). Подобное участие соседей спасает их от радикализации в тюрьмах и дает им второй шанс (Зенн и Кенаст, 2014) (Zenn & Kuehnast, 2014). В рамках этого подхода привлекаются мечети, учебные заведения, больницы и другие государственные учреждения.

Ситуация в Кыргызстане

Кыргызстан обладает относительно высоким уровнем религиозной свободы и религиозного разнообразия (Насритдинов и др., 2019) (Nasritdinov et al., 2019), но при этом занимает первое место среди центральноазиатских стран «по количеству иностранных боевиков и лиц, выезжающих с противозаконными целями в Сирию и Ирак, как в абсолютном выражении, так и на душу населения» (Спекхард, Шайковчи и Эсенгул, 2017, с.2) (Speckhard, Shajkovci, & Esengul, 2017, p.2). По сообщениям контртеррористических служб Кыргызстана, в период с 2010 по 2016 год 863 гражданина Кыргызстана были зарегистрированы в качестве иностранных боевиков, воюющих на территории Сирии и Ирака. Государственная комиссия по делам религий Кыргызстана выявила 21 террористическую организацию, в которые были завербованы граждане Кыргызстана, в том числе группировки ИГИЛ, «Аль-Каида», «Джебхат ан-Нусра», движение «Талибан», Исламское движение Восточного Туркестана (ИДВТ), ИДУ и другие. Радикализацией граждан Кыргызстана и их обращением в насильственный экстремизм занимаются, в основном, группировка ИГИЛ и организации, имеющие длительную историю присутствия в регионе (Спекхард и др., 2017, с.7) (Speckhard et al., 2017, p. 7). Хотя большинство кыргызстанских ИБТ присоединяются к группировке «Джебхат ан-Нусра» (Дан), внимание общественности и СМИ сосредоточено, главным образом, на жителях юга Кыргызстана, в основном, этнических узбеках (Такер, 2016) (Tucker, 2016), которые были маргинализированы во время столкновений на этнической почве в 2010 году, а также

на трудовых мигрантах, работающих в России (Эльшими и др., 2018) (Elshimi et al., 2018). Кыргызские мигранты в России имеют тенденцию присоединяться к ИГИЛ, при этом радикализация происходит через интернет-ресурсы.

Причины и мотивы, используемые при вербовке граждан Кыргызстана

Хотя интенсивность сирийского конфликта и угроза со стороны ИГИЛ снижаются, дискурс о радикализации граждан Кыргызстана остается актуальным. Международная кризисная группа опубликовала значимое исследование о радикализации в Кыргызстане (МКГ, 2016) (ICG, 2016), в котором утверждается, что неспособность правительства удовлетворить основные потребности граждан наряду с отсутствием политического плюрализма привели к росту популярности различных религиозных групп в качестве альтернативы. Также в докладе утверждается, что проживающие в Кыргызстане экономически и социально маргинализированные этнические группы с низким уровнем образования, по-видимому, особенно тяготеют к радикальным и привнесенным извне версиям ислама. Узбеки особенно слабо представлены в политической жизни страны и плохо интегрированы в общество, что подталкивает их к принятию радикальных взглядов. Женщины, подвергшиеся домашнему насилию и оскорблениям, могут найти в экстремистской религии определенное утешение. Они могут стать объектом внимания исламистских организаций. Были случаи, когда женщины по собственной инициативе вступали в экстремистские группировки. Спекхард и др. (Speckhard et al., 2017) предлагают уделить особое внимание роли женщин в радикализации граждан Кыргызстана.

Исследования подталкивающих и притягивающих факторов ведутся в Кыргызстане в недостаточном объеме. В существующих исследованиях выделены определенные направления: социально-экономические факторы, слабость государственных институтов, индивидуальные религиозные и личные стимулы, давление или влияние со стороны семьи или партнера, а также статус этнических меньшинств. Финансовые соображения (желание заработать деньги, что особенно распространено среди узбекского меньшинства Кыргызстана) и социально-экономические проблемы являются основными подталкивающими факторами, провоцирующими людей на участие в террористических группировках. Два важных притягивающих фактора – это религиозные убеждения (идеология) и принадлежность к группе. Э. Насритдинов и др. (Nasritdinov et al., 2019) взяли за основу широко применяемые в западной литературе притягивающие и подталкивающие факторы и провели интервью с 1054 молодыми кыргызстанцами, чтобы выявить уязвимость или устойчивость молодежи к радикализации. Они сосредоточились на шести аспектах, которые могут играть роль в радикализации: недовольство, восприятие справедливости, политика, религия, социализация и психология. Ниже приведены основные выводы:

1. Молодые люди, которые подверглись дискриминации и имеют поводы для недовольства, более уязвимы к радикализации; среди них почти вдвое больше тех, кто готов оправдать самоубийство или убийство религиозными целями (с. 17). Они считают государство несправедливым и испытывают дискриминацию (с. 19). Это сторонники салафизма и последователи Сулеймана Хильми Тунахана⁵, черпающие сведения о религии из интернета.

2. Вместо того, чтобы участвовать в официальной политической жизни, молодые люди склоняются в сторону «неформальной политики». «Религия становится все более важной частью политики», и уже около двух третей молодых людей заявляют, что они будут голосовать или проголосовали бы за кандидата с сильными религиозными взглядами (с. 20).
3. Почти половина опрошенных не выразила симпатий к какому-либо конкретному исламскому движению. Среди остальных самое популярное движение – «Таблиги Джамаат» (16%); все остальные получили мало голосов (2-5%).
4. Исследования показывают, что две группы молодых людей более уязвимы: те, у кого мало друзей и кто чувствует себя более одиноким и изолированным; и те, кто часто попадал в конфликтные ситуации. Обе группы призывают к радикальному изменению политической системы, считают свое общество несправедливым и часто думают о том, чтобы отомстить другим (с. 26).
5. Люди с более низким уровнем удовлетворенности жизнью и повышенной агрессией более уязвимы, потому что радикализация часто рассматривается как реакция на обстоятельства, которые делают человека несчастным (с. 27).

Отсутствие экономических возможностей

Некоторые исследователи (Линч, Буффард, Кинг и Висковски, 2016) (Lynch, Bouffard, King, & Vickowski, 2016) утверждают, что плохие экономические условия и отсутствие возможностей делают граждан Кыргызстана легкой мишенью для вербовщиков. Подобные экономические обстоятельства приводят к миграции кыргызстанцев в Россию, где они работают в неблагоприятных условиях и подвергаются вербовке в ИГИЛ и «Фронт ан-Нусра» (Эльшими и др., 2018) (Elshimi et al., 2018). Оторванные от привычной среды, трудовые мигранты в России «могут испытывать социальное отчуждение и стать более восприимчивыми к радикализации и ... вербовке» (Линч и др., 2016, с. 42) (Lynch et al., 2016, p. 42).

Гендерные принципы вербовки

Преобладающее мнение, что радикализации, как правило, подвергаются только мужчины, «может свидетельствовать о том, что изучению роли женщин в радикализации уделяется недостаточно внимания» (Одорфер, 2015, с. 14) (Odorfer, 2015, p.14). Работа некоторых организаций, таких как «Хизб ут-Тахрир», ориентирована конкретно на кыргызских женщин. Лидеры движения считают, что женщины в Центральной Азии имеют большое влияние в своих семьях и могут легко убедить своих детей и родных присоединиться к ним. Считается, что женщины «с меньшей вероятностью будут заподозрены в распространении экстремистских посланий и могут заменить в этом плане мужчин» (Зенн и Кенаст, 2014, с. 6) (Zenn & Kuehnast, 2014, p.6), которые, к примеру, работают в России или находятся в тюрьме. Другие эксперты (Спекхард и др., 2017) (Speckhard et al., 2017) утверждают, что «насилие в семье, второй неофициальный брак, неверность мужей и финансовая зависимость способствуют тому, что такие женщины поддаются вербовке со стороны своих супругов» (с. 14).

⁵ Последователи Сулеймана Хильми Тунахана, суфийского проповедника, выступившего против секуляризации Турции Ататюрком и ставшего лидером второй по величине исламской общины Турции.

Слабые государственные институты и службы

Первая волна вербовки была направлена на юг Кыргызстана, где проживают в основном узбеки. «Многие из них чувствуют, что дорога на государственную службу для них закрыта» (Спекхард, 2017, с. 7) (Speckhard et al., 2017, p.7), и плохо интегрированы в общество. Неспособность правительства в то время вести даже базовую работу по дерадикализации способствовала появлению возможностей для вербовки. Например, Спекхард и др. (Speckhard et al., 2017) предположили, что «открытая государственная политика в Кыргызстане может способствовать тому, что различные идеологии и религиозные группы будут свободно проникать в кыргызское информационное пространство и получат благодатную почву для вербовки» (с. 14). Считается, что спецслужбы, особенно в Кыргызстане и Таджикистане, недостаточно подготовлены к отслеживанию деятельности сторонников ИГ (МКГ, 2016) (ICG, 2016). Деграция государственной системы образования привела к «недостаточному уровню образованности и невежеству, которые являются ключевыми факторами, позволяющими лидерам экстремистов манипулировать людьми и вербовать сторонников» (Зенн и Кенаст, 2014, с. 8) (Zenn & Kuehnast, 2014, p.8).

Слабые нарративы традиционного ислама в сравнении с нетрадиционными интерпретациями

С 2010 года движение «Хизб ут-Тахрир» активно вербует сторонников, причем большинство из них составляют этнические кыргызы из северной части республики. Растущие ряды «ваххабитов» в Кыргызстане часто пополняются молодежью, которую вербуют в сотнях работающих без всякого надзора медресе, финансируемых Пакистаном или странами Ближнего Востока. Нередко молодые люди получают стипендии, позволяющие выехать для религиозного обучения в страны Южной Азии или Ближнего Востока. Существует широко распространенное мнение, что эти медресе выполняют скрытую программу внедрения экстремистской идеологии с целью вербовки новобранцев и переправки их в Сирию.

Меры по предупреждению насильственного экстремизма

В странах СНГ юридическое определение радикализации, как правило, не вызывает вопросов, но ограничения, аресты и осуждения часто происходят без «доказательств, подтверждающих обвинения в религиозном экстремизме или терроризме» (Лейн, 2016, с. 386) (Lain, 2016, p. 386). Сотрудники Human Rights Watch (2018) отмечали, что кыргызские власти осудили сотни людей за хранение запрещенных видеоматериалов, брошюр и книг, основываясь на слишком широком и неточном определении экстремизма. Людям выносят приговоры, даже если они не распространяли эти материалы и не использовали их для подстрекательства к насилию. Согласно законодательству Кыргызстана, уголовное преследование за хранение экстремистских материалов осуществляется по статье 299-2 Уголовного кодекса, которая наиболее часто применяется для выдвижения обвинений против подозреваемых в терроризме и экстремизме. Хотя парламент одобрил соответствующие поправки, они не изменили того факта, что статья 299-2 опирается на чрезмерно широкие определения в Законе Кыргызской Республики о противодействии экстремистской деятельности от 2005 года. Потенциал правительства в областях, связанных с дерадикализацией,

включая «меры по предотвращению конфликтов в составе планов по развитию регионов» (Одорфер, 2015, с. 17) (Odorfer, 2015, p.17), укрепляется с помощью таких инициатив, как Программа мира и развития ПРООН (UNDP, 2015).

Проблемы возвращения ИБТ в Кыргызстан и их перемещения

В какой-то степени опыт Кыргызстана, связанный с возвращением ИБТ, можно сравнить с опытом стран ЕС. ИДКТК и Европейский парламент выделили несколько проблем, с которыми сталкиваются государства в связи с возвращением и перемещением ИБТ. К ним относится тот факт, что положение и местонахождение значительного числа ИБТ неизвестны, многие из них потенциально представляют серьезную угрозу безопасности, а работа с их женами и детьми может быть весьма затруднительна. Правительствам необходимо обеспечить наличие политики, возможностей и средств для решения проблемы возвращенцев из числа ИБТ. Сюда входят политика предотвращения радикализации, уголовное преследование, программы выведения из конфликта, дерадикализации и реабилитации осужденных как внутри тюрем, так и за их пределами (Скеррер и др., 2018, с. 5) (Scherrer et al., 2018, p.5).

Итальянский институт международных политических исследований (Жирухина, 2019) (Zhirukhina, 2019) также отмечает, что Кыргызстан разработал защитную политику в отношении ИБТ и возвращенцев. Статья 50 (2) Конституции с поправками, внесенными в 2016 году, позволяет лишать ИБТ гражданства за преступления, связанные с терроризмом. Общество и правительство не готовы принимать ИБТ обратно по соображениям безопасности. Кроме того, реабилитация возвращенцев требует значительных финансовых затрат. Например, австралийские службы безопасности подсчитали, что наблюдение за одним вернувшимся ИБТ обойдется примерно в 7,4 миллиона долларов в год (ИДКТК, 2018, с. 8) (CTED, 2018a, p.8). За исключением Казахстана, в других центрально-азиатских государствах нет реабилитационных центров. Тем не менее, Кыргызстан присоединился к предпринимаемым другими странами усилиям по репатриации своих граждан. В сотрудничестве с иракским правительством власти Кыргызстана идентифицировали граждан страны, находящихся под стражей в Ираке, и предприняли аналогичные усилия в Сирии.

Эффективность кампании по распространению альтернативных нарративов и контрнарративов, основанных на реальных историях ИБТ

Для борьбы с насильственным экстремизмом используются три типа механизмов информационного противодействия (подхода): альтернативные нарративы, контрнарративы и правительственные стратегические коммуникации. Альтернативные нарративы распространяют позитивную историю о социальных ценностях, терпимости, открытости, свободе и демократии и обычно запускаются правительственными учреждениями или организациями гражданского общества. Они не предназначены для противодействия нарративам, пропагандирующим насилие, а вместо этого стремятся повысить гражданскую активность взрослых и молодежи на основе религиозных убеждений (Бейтел и др., 2016, с. 3) (Beutel et al., 2016, p.3). Правительственные стратегические коммуни-

кации – это работа, направленная на разъяснение государственной политики и повышение осведомленности общественности. Стратегические коммуникации и альтернативные нарративы могут быть полезны в рамках предотвращения терроризма и насильственного экстремизма, но маловероятно, что они смогут повлиять на людей, уже поверивших экстремистам.

Для разрушения нарративов террористических группировок наиболее эффективны правильно выстроенные контрнарративы, нацеленные на аудиторию, уже находящуюся под влиянием экстремистского контента. Они должны развеивать мифы террористов, демонстрировать их ложь, лицемерие и непоследовательность (Бейтел и др., 2016, с. 3) (Beutel et al., 2016, p.3). Брэддок и Хорган (Braddock and Horgan, 2016) установили четыре важных критерия в контексте построения контрнарративов (с. 4):

- выявление несоответствий и противоречий в нарративах и действиях террористов;
- разрушение аналогий между целевым нарративом и реальными событиями;
- разрушение бинарных элементов идеологии группировки;
- внедрение альтернативного взгляда на предмет террористического нарратива.

Актуальность работы Брэддока и Хоргана (Braddock and Horgan, 2016) для данного исследования заключается в выявлении возможных априорных и апостериорных кодов, которые можно использовать для анализа интервью с заключенными ИБТ с целью их более широкого изучения либо применения в будущей работе по созданию контрнарративов. Истории утративших иллюзии ИБТ – самый эффективный инструмент для дискредитации мотивов вступления в террористическую группировку. Однако привлечение бывших ИБТ к этой работе связано со многими трудностями, поскольку многие из них испытывают стресс, рассказывая о своем опыте, не доверяют правоохранительным органам или страдают психическими расстройствами (Спекхард, Шайковчи и Бодо, 2018, с. 7) (Speckhard, Shajkovci, & Bodo, 2018, p.7). Международный центр по изучению насильственного экстремизма (Спекхард и др., 2018) (Speckhard et al., 2018) разработал новую модель получения историй перебежчиков. В течение двух лет сотрудники центра собирали интервью с перебежчиками и возвращенцами из Западной Европы и стран Балканского полуострова, членами ИГИЛ, содержащимися в тюрьмах в Ираке и Кыргызстане, а также с сирийцами, покинувшими ИГИЛ и бежавшими в Турцию. Правоохранительные органы Кыргызстана разместили их на своем веб-сайте, использовали в своей работе по ПНЭ, а также предоставляли неправительственным организациям. Согласно отзывам, использование этих материалов дало положительные результаты.

ПРИЛОЖЕНИЕ Б. МЕТОДОЛОГИЯ ■

Главный вопрос исследования был решен с помощью серии интервью с заключенными ИБТ в Кыргызстане, которые согласились поделиться своими историями. Там, где это было возможно, также были проинтервьюированы друзья и семьи заключенных, чтобы получить информацию об их прошлом и контексте, а также понять степень достоверности их рассказов. Для обеспечения объективного сбора данных и совместного и прямолинейного подхода со стороны интервьюируемых были применены концептуальные рамки, включающие устоявшиеся теории социальных наук. В самом начале исследовательской работы все члены группы были обучены концепциям и методам, необходимым для проведения интервью и последующего анализа, в рамках этических и других необходимых ограничений.

Кластеры и выборка исследования

Исследование включает в себя сбор информации по трем кластерам: заключенные ИБТ, родственники и эксперты.

Первичный кластер представлен углубленным интервью заключенных, которые добровольно согласились принять участие в исследовании. Все они были осуждены по статьям 375 УК КР (1997) «Наемничество», 226-4 УК КР (1997) «Участие гражданина Кыргызской Республики в вооруженных конфликтах или военных действиях на территории иностранного государства или прохождение террористической и экстремистской подготовки» и 243 УК КР (2019) «Участие гражданина Кыргызской Республики в вооруженных конфликтах или военных действиях на территории иностранного государства или прохождение террористической подготовки». Интервью проводились в СИЗО г. Ош, ИК № 47 и ИК № 27 г. Бишкек, на последнее учреждение приходится более 80% проведенных интервью. Всего было проведено 38 интервью; в среднем, одно интервью занимало три часа и проходило без участия посторонних лиц.

Вторичный кластер включал в себя углубленные интервью с родственниками или ближайшим окружением осужденных из первичного кластера. Предварительное допущение предполагало, что осужденные, добровольно согласившиеся на участие в исследовании, будут готовы поделиться контактами близких. Несмотря на конфиденциальность полученной информации, значительная часть опрошенных отказалась предоставить контакты, или же данные контакты оказались недействительными. Заключенные аргументировали отказ вопросами безопасности близких (по словам опрошенных, они и так находятся под наблюдением у правоохранительных органов), нежеланием доставлять дополнительное душевное беспокойство или страдания и отсутствием в Кыргызстане близких родственников и друзей. Всего удалось провести интервью с *тремя* близкими родственниками непосредственно осужденных ИБТ, еще одна мать осужденного отказалась участвовать в исследовании. В целях компенсации недостающих интервью по второму кластеру, были проведены 17 интервью с родственниками лиц, уехавших в разное время в зоны боевых действий на Ближнем Востоке. Данная «самоизбирательная» выборка (self-selecting sample),

вероятно, будет репрезентативной для понимания радикализации ИБТ. Однако она не репрезентативна в понимании возможностей дерадикализации, поскольку отказ тех, кто не участвует, может указывать на то, что эти лица не доверяют и не желают сотрудничать. Следовательно, любая информация, относящаяся к дерадикализации, полученная посредством «самоизбирательной» выборки, не может относиться ко всем ИБТ.

Третий кластер был ориентирован на экспертов и специалистов-практиков из мультидисциплинарных областей для разработки практических рекомендаций относительно дальнейших возможностей более эффективной реинтеграции ИБТ в общество. В этот кластер не были включены эксперты по ПНЭ, но вошли организации, которые уделяют особое внимание вовлечению общин и их жизнестойкости. Это было сделано, чтобы понять местное восприятие и отношение к ИБТ, проблемы и пути их преодоления. Также были включены организации, работающие с молодежью и женщинами - для понимания специфики женской и молодежной реинтеграции с учетом местных традиций и контекста; работающие с группами помощи уязвимым слоям населения и жертвам насилия - для изучения преимуществ и недостатков их программ реабилитации и реинтеграции, а также для извлечения уроков, которые могут быть полезны для реинтеграции и реабилитации ИБТ. Кроме того, в кластер вошли группы по социальному предпринимательству и инновациям - для определения того, в какой степени члены этих секторов заинтересованы и готовы нанимать на работу ИБТ или взаимодействовать с ними. Всего было проинтервьюировано восемь экспертов, которые, кроме вышеуказанных вопросов, представили свое понимание влияния внешних факторов на радикализацию.

Размер выборки можно считать недостаточным для проведения надежного количественного анализа. Тем не менее, он больше, чем любое сравнимое исследование в области ИБТ, и приводит к качественному анализу. Он также подчеркивает ценность предлагаемой выборки тематических исследований для обогащения заключительного доклада и предоставления материала для вторичных исследований.

Теоритическая и концептуальная рамка

Из многих доступных качественных методов был выбран метод «Grounded theory», или так называемая «Обоснованная теория» - как наиболее подходящий для данного исследования. ОТ ориентируется на социологию и стремится понять и объяснить поведение человека с помощью процессов индуктивного мышления (Эллиот и Лазенбэтт, 2005) (Elliott & Lazenbatt, 2005). ОТ как научная методология коренным образом отличается от социальных исследований позитивистской традиции. Если в традиционной модели исследователь формулирует предварительные гипотезы, исходя из уже существующей теории, то при работе с ОТ исследование начинается со сбора качественных данных. ОТ использует процедуру анализа данных, называемую теоретическим кодированием, для разработки гипотез, основанных на том, что говорят участники исследования. Это предпочтительный и наиболее эффективный метод для глубинных индивидуальных интервью небольшого размера выборки.

Чтобы свести к минимуму любое отсутствие сотрудничества со стороны опрашиваемых и максимизировать точность ответов, была использована адаптация структуры «межличностных методик, основанных на наблюдении» (ORBIT).

Это научно доказанная методика, разработанная для интервью в рамках борьбы с терроризмом (Элисон и др.) (Alison, et al, 2014) и (Alison et al, 2015). ORBIT в сочетании с GT в ходе очных интервью и фокус-групп создал основу, которая обеспечила надежную и проверенную теоретическую базу для сбора и анализа данных.

Категории вопросов

Вопросы, задаваемые в ходе интервью, способствовали выявлению изменений в мировоззрении, в частности, какие сообщения, аргументы и опыт и какие лица оказали влияние. Вопросы разрабатывались в соответствии с конкретными гипотезами, сформированными категориями. К ним относились исходные факторы, целенаправленная пропаганда, образовательная база, взгляды на социальную справедливость, экономические факторы, психологические факторы, религиозные (теологические) аргументы и практические действия. Эти категории привели к появлению специфических вопросов, некоторые из которых априорно формировали коды, необходимые для последующего анализа данных. Эти априорные коды были определены из целого ряда источников, включая обзор литературы, адаптацию теорий к методологии исследования, местной специфике и профессиональным суждениям, основанным на анализе данных.

Сбор данных

Сбор данных осуществлялся с помощью вопросов, позволяющих, насколько это возможно, выявить радикализацию индивидуума и любой опыт дерадикализации в хронологическом порядке. Сбор данных формировался следующим образом:

- **Вводный этап.** Интервью начинались с вводной фазы, предназначенной для установления взаимопонимания, в ходе которой были разъяснены цели исследования и рассмотрены любые проблемы или вопросы, возникающие у респондента.
- **Подход к собеседованию.** Интервью соответствовало подходу ORBIT. В частности, были использованы пять навыков «Глобального мотивационного интервью»:

<i>принятие</i>	безусловное положительное отношение к заключенному (речь идет о принятии взглядов, но не об обязательном согласии с ними);
<i>эмпатия</i>	способность интервьюера понять точку зрения интервьюируемого;
<i>адаптация</i>	адаптация к ответам интервьюируемого и управление форматом интервью;
<i>эвокация</i>	способность выявить убеждения и взгляды опрашиваемого;
<i>автономия</i>	поощрение и поддержка права интервьюируемого выбирать, раскрывать информацию или нет.

Процесс сбора данных

Сбор данных проводился в период с сентября 2019 года до сентября 2020 года и охватил несколько этапов, в силу различных обстоятельств, которые будут описаны ниже:

1. Сентябрь-октябрь 2019 года – пилотные интервью с шестью заключенными в колонии в Оше, и 24 интервью на севере страны, в городе Бишкек и Чуйской области.
2. Октябрь-декабрь 2019 года – интервью с 15 родственниками.
3. Июнь-октябрь 2020 года – интервью с девятью заключенными, пятью родственниками и восемью экспертами.

Процесс сбора данных усложнился и занял больше планируемого времени ввиду следующих причин:

1. В июне-августе 2019 года в стране сложилась нестабильная политическая обстановка из-за противостояния между бывшим президентом Атамбаевым и Жээнбековым, вследствие чего не было доступа в тюрьмы.
2. Заключенные не хотели делиться номерами своих родственников, так как не хотели их беспокоить, создавать дополнительные сложности или не поддерживали с ними связь. Ввиду этого исследовательской командой было принято решение провести интервью с родственниками лиц, которые находятся в конфликтных зонах. Также не все заключенные готовы были принять участие в исследовании и рассказать свои истории.
3. Во время карантина из-за COVID-19 в период с конца марта по май 2020 года сбор данных был приостановлен.
4. Вопросы для экспертов были разработаны на основе всех полученных данных и служили для верификации и уточнения ключевых выводов исследования. Соответственно, были проведены после окончания сбора данных и анализа всех интервью по первым двум группам респондентов.
5. Кризис в стране в октябре 2020 года усложнил проведение интервью с экспертами, в результате чего пришлось переносить их.

В итоге в рамках исследования были собраны и проанализированы 38 глубинных интервью с заключенными, 20 интервью с родственниками (из них два кейсовых) и восемь с экспертами из различных сфер. Важно отметить, что согласно методологии исследования, было заложено 40 интервью с родственниками. Но в ходе сбора данных командой проекта было решено увеличить количество интервью с ИБТ, так как детальное изучение жизненного пути большего количества респондентов даст большое понимание цикла радикализации. Кроме этого интервью с родственниками показали, что они не всегда были осведомлены о деталях, которые необходимы для исследования, и это были не кейсовые интервью. А также кодирование интервью показало, что нарративы ответов достаточны для проведения анализа и повторялись.

ИБТ: описание респондентов

Средний возраст опрошенных – 29 лет. Минимальный возраст – 19 лет, максимальный – 47. Наибольшее число респондентов было в возрасте 25-ти лет (15% от общей выборки). Семейный статус респондентов распределился так: 62% - женаты, 23% - не женаты, 15% разведены.

Многие из участников оказались сыновьями из многодетных семей. Лишь двое из ответивших были из семьи с двумя детьми, что составляет 9%, и один респондент был единственным ребенком в семье (4%), остальные от 3 до 6. Большинство респондентов имеют среднее образование (11 классов – 32%, 9 классов – 36%), 16% - покинули школу в 6-7 классе, 1 опрошенный (4%) имеет высшее образование, 12% начали, но не окончили учебу в университете.

Родственники: описание респондентов

Средний возраст респондентов - 51 лет, самая молодая – женщина 40 лет (в зону боевых действий выехала сестра), самому старшему - 73 года (мужчина, сын которого погиб в Сирии). В целом было опрошено 12 женщин и 8 мужчин, у которых выехали сыновья со своими женами и внуками, дочери. Только у одного респондента выехала супруга. Большая часть респондентов на момент проведения интервью проживали на юге страны.

Эксперты: описание респондентов

Всего в рамках исследования было опрошено восемь экспертов из различных сфер - бизнеса, психологии, молодежной сферы и т.д. Как было описано в методологической части, исследовательская команда изначально ставила своей целью поговорить с экспертами, которые не специализируются в сфере насильственного экстремизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ ■

- Alison, L. J., Alison, E., Noone, G., Elntib, S., & Christiansen, P. (2013). Why tough tactics fail and rapport gets results: Observing Rapport-Based Interpersonal Techniques (ORBIT) to generate useful information from terrorists. *Psychology, Public Policy, and Law*, 19(4), 411-431.
- Aljazeera (Producer). (2014, 15 February 2021). Syrian women break their silence on rape.
- Alonso, R., Bjorgo, T., Della Porta, D., Coolsaet, R., Khosrokhavar, F., Lohker, R., . . . Silke, A. (2008). Radicalisation Processes Leading to Acts of Terrorism. A Concise Report Prepared by the European Commission's Expert Group on Violent Radicalisation.
- Altier, M. B., Leonard Boyle, E., & Horgan, J. G. (2019). Returning to the fight: an empirical analysis of terrorist reengagement and recidivism. *Terrorism and Political Violence*, 1-25.
- Aly, A., & Striegher, J.-L. (2012). Examining the role of religion in radicalization to violent Islamist extremism. *Studies in Conflict & Terrorism*, 35(12), 849-862.
- Archive, S. (2021). Syrian Archive. Retrieved from <https://syrianarchive.org/en/data-archive>
- Armstrong, K. (2014). *Fields of blood : religion and the history of violence* (First edition. ed.). New York: Alfred A. Knopf.
- Bakker, E., & Singleton, M. (2016). Foreign fighters in the Syria and Iraq conflict: Statistics and characteristics of a rapidly growing phenomenon. In *Foreign Fighters under International Law and Beyond* (pp. 9-25): Springer.
- Benmelech, E., & Klor, E. F. (2018). What explains the flow of foreign fighters to ISIS? *Terrorism and Political Violence*, 1-24.
- Berger, J. M. (2018). *Extremism*: MIT Press.
- Bertram, L. (2015). How Could a Terrorist be De-Radicalised? *Journal for Deradicalization* (5), 120-149.
- Beutel, A., Weine, S., Saeed, A., Mihajlovic, A., Stone, A., Beahrs, J., & Shanfield, S. (2016). Guiding principles for countering and displacing extremist narratives. *Contemporary Voices: St Andrews Journal of International Relations*, 7(3).
- Borum, R. (2011a). Radicalization into violent extremism I: A review of social science theories. *Journal of strategic security*, 4(4), 7-36.
- Borum, R. (2011b). Radicalization into violent extremism II: A review of conceptual models and empirical research. *Journal of strategic security*, 4(4), 37-62.
- Botobekov, U. (2021). Top Uzbek Jihadist Leader Suffers for Loyalty to Al Qaeda. *Modern Diplomacy*. Retrieved from <https://modern diplomacy.eu/2020/07/10/top-uzbek-jihadist-leader-suffers-for-loyalty-to-al-qaeda/>
- Braddock, K., & Horgan, J. (2016). Towards a guide for constructing and disseminating counternarratives to reduce support for terrorism. *Studies in Conflict & Terrorism*, 39(5), 381-404.
- Brewer, M. B. (1999). The psychology of prejudice: Ingroup love and outgroup hate? *Journal of social issues*, 55(3), 429-444.
- Cilluffo, F. J., Cozzens, J. B., & Ranstorp, M. (2010). *Foreign fighters: Trends, trajectories and conflict zones*: Homeland Security Policy Institute.
- Commission, E. C. (2005). Communication from the Commission to the European Parliament and the Council concerning terrorist recruitment. Addressing the factors contributing to violent radicalisation. *Brussels*, 21(09), 2005.
- Cordesman, A. H. (2018). The New State Department Report on Terrorism: Rethinking the Numbers and Coverage. *CSIS Commentary*.
- CTED. (2018a). The Challenge of Returning and Relocating Foreign Terrorist Fighters: Research Perspectives. *CTED Trend Reports*. Retrieved from <https://www.un.org/sc/ctc/wp-content/uploads/2018/04/CTED-Trends-Report-March-2018.pdf>
- Dechesne, M., & De Roon, C. (2013). Coming home: Deradicalization for returning Syria jihadis. *Journal Exit-Deutschland. Zeitschrift für Deradikalisierung und demokratische Kultur*, 3, 84-95.
- Elshimi, M. S., Pantucci, R., Lain, S., & Salman, N. L. (2018). *Understanding the Factors Contributing to Radicalisation Among Central Asian Labour Migrants in Russia*: Royal United Services Institute for Defence and Security Studies.
- General Assembly, U. (2015). *Plan of Action to Prevent Violent Extremism. Report of the Secretary-General*. Retrieved from https://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/70/674
- Geneva Academy of International Humanitarian Law and Human Rights. (2014). *Foreign Fighters under International Law*. Retrieved from https://www.geneva-academy.ch/joomlatools-files/docman-files/Publications/Academy%20Briefings/Foreign%20Fighters_2015_WEB.pdf
- Global Freedom of Expression. (2015). The Prosecutor General of Osh City v Rashod Kamalov.
- Gunaratna, R. (2015). Countering violent extremism: revisiting rehabilitation and community engagement. *Counter Terrorist Trends and Analyses*, 7(3), 5-13.
- Gustafsson, L., & Ranstorp, M. (2017). Swedish foreign fighters in Syria and Iraq: An analysis of open-source intelligence and statistical data. In: *Försvarshögskolan (FHS)*.
- Hegghammer, T. (2006). Terrorist recruitment and radicalization in Saudi Arabia. *Middle East Policy*, 13(4), 39-60.
- Hegghammer, T. (2010). *Jihad in Saudi Arabia : violence and pan-Islamism since 1979*. Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press.
- Hegghammer, T. (2013). Should I stay or should I go? Explaining variation in Western jihadists' choice between domestic and foreign fighting. *American Political Science Review*, 107(1), 1-15.
- Horgan, J. (2003). The search for the terrorist personality. *Terrorists, victims and society*, 3-27.
- Horgan, J. (2008). From profiles to pathways and roots to routes: Perspectives from psychology on radicalization into terrorism. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 618, 80-94. doi:10.1177/0002716208317539
- Horgan, J. G. (2009). *Walking away from terrorism: Accounts of disengagement from radical and extremist movements*: Routledge.
- Human Rights Watch. (2018). *We Live in Constant Fear: Possession of Extremist Material in Kyrgyzstan*. Retrieved from <https://www.hrw.org/report/2018/09/17/we-live-constant-fear/possession-extremist-material-kyrgyzstan>
- Human Rights Watch, H. (2018). Kyrgyzstan: Abusive Crackdowns on 'Extremist' Material. In: ICG. (2016). *Kyrgyzstan: State Fragility and Radicalisation*. Retrieved from Osh/Bishkek/Brussels: <https://d2071andvip0wj.cloudfront.net/b083-kyrgyzstan-state-fragility-and-radicalisation.pdf>
- Jelil, M. A., Bhatia, K., Brockmeyer, A., Do, Q.-T., & Joubert, C. (2018). *Unemployment and violent extremism: evidence from Daesh foreign recruits*: The World Bank.
- Kadyrov, M. (2020). The return of Kyrgyzstanis from Syria. Are the country's authorities and society ready? 9 December 2020. Free radio Kyrgyzstan *Mirlan Kadyrov* Retrieved from <https://rus.azattyk.org/a/30991383.html>

- Krueger, A. B., & Malečková, J. (2003). Education, poverty and terrorism: Is there a causal connection? *Journal of Economic perspectives*, 17(4), 119-144.
- Kruglanski, A., Jasko, K., Webber, D., Chernikova, M., & Molinaro, E. (2018). The making of violent extremists. *Review of General Psychology*, 22(1), 107-120.
- (2016, 6 January 2016). News [Television series episode]. In KTRK TV (Executive producer), *Report of attacks on Ahmadis in Kashgar*: KTRK TV.
- Kwan, J., Jones, M., Somaini, G., Hull, L., Wessely, S., Fear, N. T., & MacManus, D. (2018). Post-deployment family violence among UK military personnel. *Psychological medicine*, 48(13), 2202-2212.
- Kyrgyzstan Inquiry Commission. (2011). *Independent International Commission of Inquiry into the events in southern Kyrgyzstan in June 2010* Retrieved from https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/Full_Report_490.pdf
- kyzy, E. B. (2015). A special task force from Syria has been identified. *Security*. Retrieved from https://www.azattyk.org/a/kyrgyzstan_religion_seciruty_rights/27455092.html
- Lain, S. (2016). Strategies for Countering Terrorism and Extremism in Central Asia. *Asian Affairs*, 47(3), 386-405. doi:10.1080/03068374.2016.1225899
- Lemon, E., Miranova, V., & Tobey, W. (2018). Jihadists from Ex-Soviet Central Asia: Where are They? Why Did They Radicalize? What Next? *Russia Matters*, 7.
- Leonard, P. (2015). Kyrgyzstan: Trial Marks Escalation in Religious Crackdown. *eurasianet*. Retrieved from <https://eurasianet.org/kyrgyzstan-trial-marks-escalation-in-religious-crackdown>
- Levine, P. A., & Frederick, A. (1997). *Waking the tiger: Healing trauma: The innate capacity to transform overwhelming experiences*: North Atlantic Books.
- Lynch, T. F., Bouffard, M., King, K., & Vickowski, G. (2016). *The return of foreign fighters to Central Asia: Implications for US counterterrorism policy*: National Defense University Press.
- Malet, D. (2013). *Foreign fighters: Transnational identity in civil conflicts*: Oxford University Press.
- Malkina-Pykh, I. (2005). *Extreme situations: a directory of practical psychologist*. Moscow: Publ Eksmo.
- Moore, C. (2015). Foreign Bodies: Transnational Activism, the Insurgency in the North Caucasus and "Beyond". *Terrorism and Political Violence*, 27(3), 395-415.
- Nasritdinov, E., Urmanbetova, Z., Murzakhalilov, K., & Myrzabaev, M. (2019). Vulnerability and Resilience of Young People in Kyrgyzstan to Radicalization, Violence and Extremism: Analysis across Five Domains. *Dü. Russian, and Eurasian Studies Institute for European*. Washington, DC, 21.
- Nilsson, M. (2015). Foreign fighters and the radicalization of local jihad: Interview evidence from Swedish jihadists. *Studies in Conflict & Terrorism*, 38(5), 343-358.
- O'Mara, S. (2015). *Why torture doesn't work: The neuroscience of interrogation*: Harvard University Press.
- Odorfer, C. (2015). Root causes of radicalization in Europe and the Commonwealth of Independent States. In: New York: UNDP Discussion Paper.
- OSCE. (2018). *Guidelines for Addressing the Threats and Challenges of "Foreign Terrorist Fighters" within a Human Rights Framework*. Retrieved from Warsaw:
- Paulussen, C., Nijman, J., & Lismont, K. (2017). Mental health and the foreign fighter phenomenon: A case study from the Netherlands.
- Perliger, A., & Milton, D. (2016). *From cradle to grave: the lifecycle of foreign fighters in Iraq and Syria*. Retrieved from
- Program: Central Asia. (2015). "Imam-extremist" Rashod Kamalov – a victim of a political order? . *Memorial Human Rights Center*.
- Pushkaryov, A. L., Domoratsky, V. A., & Gordeeva, E. G. (2000). *Post-traumatic Stress Disorder: Diagnosis, Psychopharmacotherapy, Psychotherapy*. Moscow: Institute of Psychotherapy Publishing House.
- Rabasa, A., Pettyjohn, S., Ghez, J., & Boucek, C. (2010). *Deradicalization Islamist Extremists*. RAND Corporation. Santa Monica.
- Research Manager (2021, 3 January 2021). [Is Abu Salah in Prison?].
- Salehyan, I. (2006). *Rebels without borders: State boundaries, transnational opposition, and civil conflict*. UC San Diego,
- Savitsky, A. (2018). ISIS in Afghanistan: Central Asia Faces Risk of Spillover. *Strategic Culture*. Retrieved from <https://www.strategic-culture.org/news/2018/07/26/isis-afghanistan-central-asia-faces-risk-spillover/>
- Scherrer, A., Isaksson, C., Ragazzi, F., & Walmsley, J. (2018). The return of foreign fighters to EU soil: Ex-post evaluation.
- Sedgwick, M. (2010). The concept of radicalization as a source of confusion. *Terrorism and Political Violence*, 22(4), 479-494.
- Silke, A. (2003). Becoming a terrorist. *Terrorists, victims and society: Psychological perspectives on terrorism and its consequences*, 29-53.
- Speckhard, A., Shajkovci, A., & Bodo, L. (2018). Fighting ISIS on Facebook—Breaking the ISIS brand counter-narratives project. *International Center for the Study of Violent Extremism*.
- Speckhard, A., Shajkovci, A., & Esengul, C. (2017). Analysis of the Drivers of Radicalization and Violent Extremism in Kyrgyzstan, including the Roles of Kyrgyz Women in Supporting, Joining, Intervening in, and Preventing Violent Extremism in Kyrgyzstan.
- Stern, J. (2010). Mind over martyr: How to deradicalize Islamist extremists. *Foreign Affairs*, 95-108.
- Stern, J., & Pascarelli, P. (2020). Prison-Based Deradicalization. *Routledge Handbook of Deradicalisation and Disengagement*, 5.
- Stouffer, S. A. (1949). *The American soldier*. Princeton,: Princeton University Press.
- Transparency International. (2021). Kyrgyzstan - Transparency.org. Retrieved from <https://www.transparency.org/en/countries/kyrgyzstan>
- Trilling, D. (2015). Kyrgyzstan: Extremism Charges, Vague and Secretive, Open Door to Abuses. *eurasianet*. Retrieved from <https://eurasianet.org/kyrgyzstan-extremism-charges-vague-and-secretive-open-door-to-abuses>
- Tucker, N. (2016). Public and State Responses to ISIS Messaging: Kyrgyzstan. Central Asia Program.
- UNDP. (2015). Peace and Development Plans", UNDP in Kyrgyzstan. In.
- UNODC. (2018). *Investigation, Prosecution and Adjudication of Foreign Terrorist Fighter Cases for South and South-East Asia*. Retrieved from Vienna:
- UNSC. (2014). *Resolution 2178 (2014)*. Retrieved from <https://www.un.org/securitycouncil/s/res/2178-%282014%29>
- UNSC. (2015). Analytical Support and Sanctions Monitoring Team on Foreign Terrorist Fighters (S/2015/358).
- Venhaus, J. M. (2010). *Looking for a fight: Why youth join al-Qaeda and how to prevent it*. Retrieved from
- Vergani, M., Iqbal, M., Ilbahar, E., & Barton, G. (2018). The three Ps of radicalization: Push,

pull and personal. A systematic scoping review of the scientific evidence about radicalization into violent extremism. *Studies in Conflict & Terrorism*, 1-32.

- Weiss, C. (2020). Jihadist group confirms arrest of Uzbek commander. *Threat Matrix*. Retrieved from <https://www.longwarjournal.org/archives/2020/06/jihadist-group-confirms-arrest-of-uzbek-commander.php>
- Zenn, J., & Kuehnast, K. (2014). Preventing Violent Extremism in Kyrgyzstan: US Institute of Peace Washington, DC.
- Zhirukhina, E. (2019). Foreign Fighters from Central Asia: Between Renunciation and Repatriation. Retrieved from <https://www.ispionline.it/en/pubblicazione/foreign-fighters-central-asia-between-renunciation-and-repatriation-24072>

